

ЭДУАРД
МЕРИКЕ

МОЩА ДРТ

НА ПУТИ
В ПРАГУ

**ЭДУАРД
МЁРИКЕ**

**МОЦАРТ
НА ПУТИ
В ПРАГУ**

Перевод с немецкого
Т. СТУПНИКОВОЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА 1965

II (Нем)

М 52

Е. М Ö R I K E
Mozart auf der Reise
nach Prag
1856

Вступительная статья
Е. БРАНДИСА

Художник
Б. СВЕШНИКОВ

ЭДУАРД МЁРИКЕ И ЕГО НОВЕЛЛА
«МОЦАРТ НА ПУТИ В ПРАГУ»

Эдуард Мёрике (1804—1875) — наиболее значительный поэт и прозаик среди немецких романтиков, принадлежащих к так называемой «швабской школе». Он остался в памяти соотечественников прежде всего как тончайший лирик, автор замечательных стихотворений о любви и природе. Стихи Мёрике относятся к числу высоких достижений немецкой поэзии. Многие из них давно уже вошли в школьные хрестоматии. Композиторы Роберт Шуман, Иоганнес Брамс, Хуго Вольф создали на слова Мёрике десятки популярных романсов.

В тридцатых годах XIX века, к тому времени, когда Эдуард Мёрике начал входить в силу как поэт, уже догорали вечерние огни немецкого романтизма. Дворянско-клерикальная реакция против политического и идеологического наступления буржуазии, отзвуком которой была романтическая идеализация средневековья, теряла почву под ногами. Поэты-романтики, запечатлевшие в своем творчестве очень сложные и противоречивые духовные искания разных групп немецкой интеллигенции в исторически переломные для Германии годы, заглушались теперь новыми голосами. В стране нарастало демо-

кратическое движение. В литературе развивались и крепились реалистические тенденции. Георг Бюхнер, Людвиг Берне, Генрих Гейне, публицисты, прозаики и драматурги «Молодой Германии» сказали свое «нет» старым порядкам.

Однако дыхание близящихся социальных бурь почти не коснулось одного из самых «уютных» и мирных уголков германской земли — Швабии, где относительное равновесие классовых сил создавало иллюзию покоя и благополучия. Плодородные долины Неккара и верхнего Дуная, пересеченные живописными горами и обрамленные густыми лесами, долгое время оставались в стороне от бурных политических событий. Размеренный, веками устоявшийся жизненный уклад сонных деревень и спокойных городков, в которых аристократию составляли не дворяне, а привилегированные бюргеры — купцы, пасторы, чиновники, ученые; Тюбингенский университет, один из оплотов ортодоксального лютеранства, с монастырским пансионом, где воспитывались на казенный счет будущие пасторы, призванные поддерживать в Швабии религиозные навыки, весь этот замкнутый мирок с его провинциальной обособленностью и патриархальными устоями определял общественные интересы, тематику и творческий диапазон поэтов «швабской школы».

Пессимистические и мистические настроения, свойственные первому поколению немецких романтиков, разорванность сознания, болезненный индивидуализм сменились у их преемников душевной уравновешенностью, спокойным, просветленным, гармоническим мироощущением. Отсюда их тяготение к идиллии и задумчивой созерцательности. Швабские романтики черпали вдохновение в любви к своему краю, его преданиям, поверьям, культурным и бытовым традициям.

Поэты «швабской школы» подхватили народнические увлечения гейдельбергского кружка романтиков, сформировавшегося в годы сопротивления немецкого народа натиску наполеоновских армий. Однако если поэты-гейдельбержцы — Арним и

Брентано — ограничивались лишь собиранием и публикацией национального песенного фольклора, то «швабы» — Уланд, Юстинус Кернер, Мёрике и близкий им по творческим устремлениям Эйхендорф — почти все свои оригинальные произведения основывали на мотивах, образах и художественных канонах народных песен и народных сказок. Лирика этих поэтов отличается певучестью, мелодичностью, обилием живописных деталей, проникновенным ощущением природы. Их лучшие стихи вернулись к первоисточкам и стали народными песнями.

Эдуард Мёрике, подобно своим собратьям, не был в искусстве ни завоевателем, ни пионером. Он шел проторенными путями, доводя до художественного совершенства творческие принципы, выработанные его предшественниками, и старательно избегая полемических крайностей, в которые неизбежно вдавались первые романтики, утверждавшие в ожесточенных литературных боях новую эстетическую доктрину. Голос Мёрике звучал негромко, но всегда был чист и звонок и не терялся в хоре голосов современных ему поэтов. В своей, пусть даже и узкой, области творчества он был не просто мастером, а художником-виртуозом.

Биография Мёрике бедна внешними событиями. Сын врача из города Людвигсбурга, он на четырнадцатом году потерял отца, оставившего без средств большую семью, и вынужден был, отнюдь не по склонности, поступить в духовную семинарию, а затем на богословский факультет Тюбингенского университета. С 1826 по 1851 год он находился на службе в разных пасторатах в должности викария и пастора, но относился к своим обязанностям без должного рвения, за что часто получал выскания от церковного начальства, несколько раз отстранялся от должности или переводился в другой приход. Попытка заняться журналистикой и существовать вольным литературным трудом кончилась неудачей. С 1851 по 1866 год Мёрике преподавал литературу в высшей женской школе св. Катаринны

в Штутгарте. Получив отставку, он тихо доживал свой век, поддерживая лишь переписку с немногочисленными друзьями.

В этот период с швабским поэтом познакомился И. С. Тургенев. Еще задолго до личной встречи с Мёрике он обратил на его стихи внимание А. А. Фета, отметив в них «много грации и чувства» (Фет перевел три стихотворения) и затем заинтересовал ими Полину Виардо, написавшую на слова Мёрике цикл романсов. Позже Тургенев выпустил в Петербурге альбом: «Шесть стихотворений Г. Гейне, Э. Мёрике и Р. Толя, переведенные на русский язык И. Тургеневым и положенные на музыку Полиною Виардо-Гарсиа» (1871). Сюда вошли два романса из «Мёрикевского цикла».

Первая его встреча с Тургеневым состоялась в январе 1865 года в присутствии немецкого писателя Гартмана, вторая — весной того же года. На этот раз Тургенев прибыл в Штутгарт вместе с Виардо. Знаменитая певица хотела почтить поэта исполнением его собственных вещей на его родном языке. Несмотря на свою болезненную застенчивость, уклониться от свидания Мёрике, конечно, не мог. Он явился к Гартману и просидел весь вечер за огромной ширмой, почти спрятавшись от общества. Так рассказывает об этом биограф Гартмана, но сам Тургенев пишет об этой встрече иначе: «Она спела Мёрике в моем присутствии его песни, положенные ею на музыку, и старый чудак был совершенно вне себя, бегал по комнате как одержимый».

Поэтическое творчество и музыка, которую Мёрике любил до самозабвения, скрашивали материальные лишения, бытовые неурядицы и неустроенность его личной жизни. Всегда погруженный в свои грезы, он еще в юности создал в воображении счастливый сказочный остров Орплид — символ несбыточной мечты о прекрасном мире, — искусственно ограждавший непрактичного, житейски беспомощного поэта от повседневных тревог и невзгод. Драматическая сказка Мёрике «Последний

король Орлида», задуманная как представление для волшебного фонаря, выражает его романтическое кредо.

Медленно и тщательно работал он над своими произведениями, продолжая шлифовать и переделывать даже опубликованные вещи. За полвека творческой деятельности он написал не так уж много: все его художественное наследие занимает два небольших тома.

Мёрике писал в разных жанрах. Кроме лирических стихов, изданных в 1838 году отдельным сборником и принесших ему репутацию талантливого и своеобразного поэта, критикой высоко ценятся его идиллии — стихотворные эпические произведения, в которых выразительно нарисованы картины природы, сцены сельской жизни, воскрешены местные народные обычаи и старинные предания («Идиллия на Боденском озере», «Старый башенный петух»).

Единственный роман Мёрике «Художник Нольтен» (1832) построен как «роман воспитания», в традициях «Вильгельма Майстера» Гете. Но, в отличие от великого просветителя, Мёрике не призывал к деятельной жизни на пользу общества. Художник Нольтен, сломленный неудачами, погибает, так и не найдя своего места в жизни, Творческие искания художника и его трагическая судьба рисуются на тщательно выписанном фоне немецкого провинциального быта. В образе Теобальда Нольтена много автобиографических черт. Книга эта насквозь лирическая. Герой-романтик, преображающий жизнь в своих мечтах, вносит в нее поэтическое начало. Проза перемежается в романе с лирическими стихами, будничные эпизоды — с фантастикой волшебной сказки.

Полусказочный, полуреальный мир предстает в новеллах Мёрике («Клад», «Пряничный человечек из Штутгарта» и др.). И хотя все сказочные сюжеты были выдуманы самим автором, они, как писал В. М. Жирмунский, «вполне укладываются в художественные формы народного быта и народных пове-

рий» — настолько хорошо писатель знал своих швабов и художественный мир народной поэзии.

Новелла «Моцарт на пути в Прагу» была опубликована в конце 1855 года, в ознаменование столетней годовщины со дня рождения Моцарта (27 января 1756 года), любимого композитора Мёрике. Эта новелла — последнее и едва ли не самое значительное его прозаическое произведение — резко отличается от всего ранее написанного им необычностью темы и обстановки действия, уводящих не только за пределы Швабии, но и в другую историческую эпоху.

Немецкие романтики считали музыку высшим из всех искусств, языком души, которым говорит бесконечность.

Еще романтики «первого призыва» мечтали о таком «синтетическом» искусстве, в котором слились бы в одно гармоническое целое художественное слово, музыкальное звучание и живописный образ. Наиболее полное художественное воплощение это эстетическое требование получило в музыкальных новеллах Гофмана — «Дон-Жуан» и «Кавалер Глюк».

Новелла Мёрике «Моцарт на пути в Прагу» овеяна духом музыки; средствами тонкой словесной живописи поэт воспроизводит «движения души», вызываемые звучанием аккорда, музыкальной фразы, целого произведения.

Моцарт был любимейшим композитором Мёрике, — и поэт не устал восхвалять его в письмах к друзьям. Необыкновенная впечатлительность, сила чувства и проникновенная ясность мысли гениального австрийского композитора всегда падали глубокий отклик в душе швабского романтика. Из всех композиторов Моцарт был особенно близок его художественной натуре. Больше всего Мёрике восторгался «Дон-Жуаном», считая эту оперу вершиной музыкально-драматического искусства, и не случайно для своей новеллы он выбрал эпизод из биографии Моцарта, связанный с историей создания и постановки «Дон-Жуана» в пражском оперном театре.

Последние годы Моцарта (он умер в 1791 году) были омрачены неприязненным отношением к нему венской знати, интригами, завистью и недоброжелательством придворных музыкантов, особенно влиятельного Сальери, неизбывной нуждой, постоянными преследованиями кредиторов, болезнями и предчувствием преждевременной смерти. В 1787 году, когда обстановка, в которой протекала его жизнь, стала еще более гнетущей, Моцарт неожиданно получил из столицы Чехии заказ на новую оперу. В конце августа он выехал в Прагу вместе со своей женой Констанцией и в одном из предместий города, в гостеприимном доме давних друзей, супругов Душек, закончил «Дон-Жуана». По признанию самого Моцарта, это были счастливейшие дни в его жизни.

Мёрике превосходно передал безмятежное настроение Моцарта, только что покинувшего Вену, где он испытал столько горя. Правда, передышка будет кратковременной, бремя забот и печалей только на два-три месяца спадет с его плеч, но сейчас он принадлежит самому себе, он весь во власти радостного порыва, в ожидании встречи с музыкальной Прагой, которая скоро наградит своего любимца триумфальной премьерой «Дон-Жуана».

В новелле Мёрике Моцарт весел, счастлив, жизнерадостен. Он достиг вершины своих творческих сил, его обуревают новые замыслы, любое впечатление бытия, претворяясь в музыкальную форму, находит свой ритм и свою мелодию. Мы видим в Моцарте и детскую непосредственность, и сердечную теплоту, и непринужденное остроумие, и прежде всего — поразительный дар художника. Но ко всему этому примешивается и привкус горечи. В мажорное повествование врываются эгегические ноты: Моцарт не может отделаться от дурных предчувствий, от мысли о своем близком закате.

Ничто не противоречит в новелле биографической достоверности. Писатель допустил только одну вольность в рассказе о счастливом дне из жизни Моцарта: он не останавливался по

пути в Прагу в замке фон Шинцберга, потому что такого замка не было. Не было и молодой четы, которую он осчастливил своим благословением. Но эта сюжетная находка, позволившая автору назвать свое произведение новеллой, помогла ему собрать как бы в одном фокусе характерные черты эпохи и воссоздать с большой точностью исторический колорит конца XVIII века. Колорит этот выдержан и в описании обстановки, и в разговорах действующих лиц, и в самой манере изложения — петоропливо-витиеватой, немного церемонной, а местами и грациозно-шутливой, слегка напоминающей стиль рококо.

Немногими, но очень выразительными штрихами очерчены характеры обитателей замка, неожиданно оказавшихся меломанами и ценителями таланта Моцарта. А образ самого мастера сначала дается как бы со стороны, глазами автора, потом раскрывается изнутри, когда композитор делится с новыми знакомыми своими итальянскими впечатлениями и рассказывает им о создании «Дон-Жуана»; и, наконец, рассказ словоохотливой Констанции о причудливом нраве Вольфганга вносит дополнительные оттенки, главным образом со стороны житейской и бытовой. Таким образом, постепенно создается очень сложный и многогранный психологический портрет гениального музыканта.

Конечно, поэт-романтик воспринимал автора «Дон-Жуана» по-своему, может быть несколько односторонне приближая к своему внутреннему миру. Но как бы то ни было, он создал художественно убедительный, правдивый образ Моцарта, поражающий глубиной проникновения в стихию музыкального творчества.

Новелла Эдуарда Мёрике «Моцарт на пути в Прагу» принадлежит к лучшим созданиям немецкой повествовательной прозы середины XIX века.

Евг. Брандис

МОИ ДИД
В ОЩАДНІ

НА ПУТИ

В ПРАГУ

Осенью 1787 года Моцарт вместе с женою отправился в Прагу, чтобы поставить там своего «Дон-Жуана».

На третий день путешествия, четырнадцатого сентября, часов в одиннадцать утра супруги, пребывавшие в отличном расположении духа, находились немногим более чем в тридцати часах езды от Вены и, следуя в северо-западном направлении, проезжали по ту сторону Мангардсберга и Немецкой Тайи неподалеку от Шремса, где кончается перевал через живописные Моравские горы.

«Карета, запряженная тремя почтовыми лошадьми, — пишет баронесса фон Т. своей подруге, — добротный экипаж оранжевого цвета, — принадлежала некой пожилой даме, генеральше Фолькштет, которая, видимо, немало

гордилась своим давним знакомством с Моцартами и не раз оказанными этому семейству всяческими любезностями».

Знаток вкусов, царивших в восьмидесятых годах, мог бы дополнить несколькими штрихами столь неточное описание упомянутой повозки. Дверцы кареты были расписаны букетами цветов самой натуральной окраски, а по краям обведены узкой золотой полоской, однако краска отнюдь не отливала тем зеркальным блеском, который придает лак изделиям нынешних венских мастеров, да и кузов был не столь выпуклым, хотя смелый изгиб, пожалуй, даже слишком кокетливо сужал его книзу; все это заканчивалось откидным верхом с жесткими кожаными занавесками на окнах, сейчас раздвинутыми.

Относительно одежды обоих путешественников можно лишь заметить, что, стремясь сберечь уложенные в дорожный сундук новые парадные платья, госпожа Констанция выбрала для супруга весьма скромный наряд: вышитый жилет слегка поблекшего голубого цвета, к нему — будничный его коричневый камзол, украшенный большими пуговицами, сквозь звездчатый узор которых просвечивал слой красноватого сусального золота; черные шелковые панталоны, чулки и туфли с позолоченными пряжками. Вот уже с полчаса, как он, из-за необычной для этого месяца жары, снял камзол и теперь, весело болтая, сидел с непокрытой головой в одном жилете. На госпоже Моцарт — удобное дорожное платье, в светло-зеленую и белую полоску; ее перехваченные лентой красивые каштановые волосы пышными локонами ниспадают на спину и плечи; за всю ее жизнь они ни разу еще не были изображены пудрой, тогда как густые, заплетенные в косу волосы супруга напудрены и сегодня — только несколько небрежнее, чем обычно.

Карета медленно поднималась по косоугору меж плодородных полей, которые то там, то сям прорезали широко раскинувшийся лес, и наконец добралась до лесной опушки.

— Сколько лесов нам довелось проехать за эти три дня! — сказал Моцарт. — А я даже и внимания на них не обратил, не говоря уже о том, что мне и в голову не пришло остановиться и выйти погулять. Но здесь, душенька, давай выйдем и нарвем вон тех колокольчиков, что так живописно синеют в тени. А твои лошади, — обратился он к вознице, — пусть пока немного передохнут.

Лишь только они поднялись со своих мест, как обнаружилась маленькая неприятность, навлекшая на маэстро неудовольствие супруги. По его небрежности открылся флакон с дорогими духами, и все содержимое незаметно пролилось на платья и подушки сидений.

— И как я только раньше не догадалась, — сокрушалась Констанция, — ведь я давно уже чувствовала сильный запах духов. Какая жалость, целый флакон настоящих «Rosée d'Aurore»¹ вылился до единой капли! Я их как золото берегла.

— Ну что ты, глупышка, — утешил он ее. — Пойми же, только так твоя божественная благовонная настойка могла принести нам какую-то пользу. Ведь мы изнывали от нестерпимой духоты, не помогал нам и твой веер, сколько ты им ни обмахивалась, и вдруг в карете словно бы повеяло прохладой; ты приписала это действию нескольких капель, коими я надушил свое жабо; мы вновь оживились и весело продолжили нашу беседу, а не пролей я этих духов, мы повесили бы головы, — точь-в-точь как бараны, которых везут на бойню; и такая благодать

¹ «Утренняя роса» (франц.).

будет продолжаться всю дорогу. А теперь давай-ка заглянем в эту зеленую чашу!

Взявшись за руки, они перепрыгнули через канаву, что тянулась вдоль дороги, и тотчас же углубились в полумрак ельника, вскоре сгустившийся до темноты, которую лишь кое-где прорезал яркий солнечный луч, озаряя устланную бархатистым мохом землю. Живительная прохлада, которая внезапно сменила царивший вокруг зной, могла бы оказаться опасной для этого беспечного человека, если бы не предусмотрительность его спутницы. С трудом она уговорила его надеть камзол, который на всякий случай прихватила с собой.

— Боже, какая красота! — воскликнул он, глядя на вершины огромных деревьев. — Совсем как в церкви. Мне кажется, будто я никогда прежде не бывал в лесу, и только теперь понял, что значит такое огромное скопище деревьев! Не рука человека посадила их, они сами пришли сюда и стоят так лишь потому, что им весело жить и хозяйствовать единой дружной семьей. Ты знаешь, в юности я исколесил пол-Европы, видел Альпы и море, самое великое и прекрасное из всего, что когда-либо было создано на земле, а вот сейчас, попав случайно в обыкновенный еловый лес на границе Богемии, стою будто олух, удивленный и восхищенный тем, что такое чудо существует в действительности, а не просто una finzione di poeti¹, как их нимфы, фавны и тому подобное, что это не декорация, а настоящий лес, поднявшийся из земли, вспоенный влагой и возвращенный солнечным теплом. Лес этот — родной приют оленя с причудливыми ветвистыми рогами, шалуньи-белки, глухаря и сойки.

¹ Плод воображения поэтов (итал.).

Он нагнулся, сорвал гриб и стал восхвалять чудесный ярко-красный цвет его шляпки, нежные белые пластинки на ее внутренней стороне, потом сунул в карман несколько словых шишек.

— Можно подумать, — сказала жена, — что ты и на двадцать шагов не отважился в глубь Пратера, где, право, такие диковинки тоже не редкость.

— Что там Пратер! К черту его, как мог он тебе на ум прийти! Кроме карет, парадных шпаг, робронов и вееров, кроме музыки и бесконечной светской суеты, там ничего больше не увидишь и не услышишь. Да и деревья в Пратере, как бы они ни важничали, все же орешки их или желуди — уж не знаю, как их и назвать, — которыми они усыпают землю, скорее сродни бутылочным пробкам, что в великом множестве валяются вокруг. От этого лесочка по всей округе несет кельнерами и всевозможными соусами.

— Это неслыханно! — воскликнула она. — И так говорит человек, для которого нет большего удовольствия, чем отведать в Пратере жареных цыплят.

Когда они снова уселись в карету, и дорога после небольшого ровного участка пути постепенно стала спускаться в цветущую долину, что простиралась до видневшихся на горизонте гор, наш маэстро, некоторое время хранивший молчание, вновь заговорил:

— Земля поистине прекрасна, и не следует осуждать того, кто стремится как можно дольше прожить на ней. Я, слава богу, по-прежнему здоров и бодр и готов свершить одно за другим тысячу дел, к коим и приступлю, как только будет закончена и поставлена моя новая опера. Сколько во всем мире, да и у нас в стране, удивительного и прекрасного, сколько неведомых мне чудес создано природой, наукой, искусством и трудом ремес-

ленников! Черномазый мальчуган-угольщик, обжигающий уголь вон там на костре, знает о некоторых вещах ровно столько же, сколько и я, хотя мне нельзя отказать в желании и стремлении познать кое-что из того, что не относится к моим собственным довольно-таки ничемным занятиям.

— На днях, — заметила Констанция, — мне случайно попался в руки твой старый карманный календарь за восемьдесят пятый год; в конце ты сделал три или четыре пометки *nota bene*... Первая запись гласит: «В середине октября в императорской литейной будут отливать больших львов»; вторая пометка дважды подчеркнута: «Посетить профессора Гатнера». Кто это?

— Ну как же, это тот добрый старый господин из обсерватории, который время от времени приглашает меня к себе. Я давно уже собирался полюбоваться вместе с тобой на луну и живущего там человечка. Теперь там у них громадная подзорная труба, и если смотреть в нее, то на огромном диске луны так отчетливо и ясно видны горы, долины и ущелья, что кажется, будто до них рукой подать, а на той стороне, что не освещается солнцем, можно увидеть тени, отбрасываемые вершинами гор. Вот уже два года, как я хочу туда пойти, и, к великому своему стыду и огорчению, никак не соберусь.

— Ну что же, — отозвалась Констанция, — луна от нас не уйдет. Кое-что мы еще успеем наверстать.

Немного помолчав, он опять заговорил:

— И ведь все у меня так! Тьфу, даже вспомнить тошно, сколько всего упускаешь, откладываешь, не доводишь до конца! Я не говорю уже о своем долге перед богом и людьми, а хотя бы о простых удовольствиях, о маленьких невинных радостях, которые легко доступны всем и каждому.

Госпожа Моцарт не сумела или не пожелала отвлечь мужа от мыслей, которые все сильнее овладевали этой впечатлительной натурой, и, к сожалению, не могла всецело с ним не согласиться, когда он, все более распляясь, продолжал:

— Разве я наслаждался когда-нибудь хоть часок обществом своих детей? Я всегда пользуюсь жизнью лишь наполовину и все делаю en passant!¹ Посажу мальчишек верхом себе на колени или побегая с ними минуты две по комнате — и баста, тут же гоню их прочь. Мне никогда и в голову не приходило, что на пасху или троицу мы чудесно могли бы провести денек за городом, где-нибудь в саду, в роще или на лугу среди ярких цветов, одни, без посторонних, и, предавшись ребяческим забавам, снова почувствовать себя детьми. А жизнь тем временем проходит, пробегает, проносится вихрем. Господи! Как подумаешь об этом — холодный пот прошибает.

Такое признание собственной вины неожиданно положило начало весьма серьезной и задушевной беседе. Мы не станем ее пересказывать, а обратимся лучше к тем обстоятельствам, которые либо непосредственно обсуждались в разговоре, либо так или иначе были с ним связаны.

Здесь мы не без грусти вынуждены заметить, что этот страстный человек, необычайно восприимчивый ко всем радостям мира сего, ко всему возвышенному, доступному лишь чуткой душе художника, хотя и успел многим насладиться, многое пережить и создать на своем недолгом веку, все же ни разу в жизни не испытал чувства полного удовлетворения самим собой.

¹ Мимоходом, на ходу (франц.).

Тот, кто не собирается искать причины такой неудовлетворенности глубже, чем они крылись в действительности, усмотрит их прежде всего в прочно укоренившихся, казалось бы, непреодолимых слабостях, кои обычно, и не без основания, кажутся нам неотделимыми от всего, что восхищает нас в Моцарте.

Потребности его были весьма разнообразны, особенно сильна была в нем тяга к развлечениям. Самые знатные семейства города почитали его за несравненный талант и искали с ним знакомства, а он редко, можно даже сказать никогда, не отказывался от приглашений на празднества, вечера и загородные прогулки. К тому же и сам он оказывал довольно широкое гостеприимство близкому ему кругу лиц. Он не мог обойтись без музыкальных вечеров, без обедов в обществе нескольких друзей и знакомых, запросто собиравшихся у него два-три раза на неделе за обильным столом. К ужасу жены, он приводил подчас в дом гостей, даже не предупредив ее, прямо с улицы, причем публику довольно разношерстную: любителей музыки, собратьев по искусству, певцов, поэтов. Никчемный прихлебатель, заслуги коего сводились к неиссякаемой жизнерадостности и умению отпускать шутки и остроты, причем довольно грубые, был тоже не менее желанным гостем, чем тонкий знаток искусства или же превосходный музыкант. Однако большую часть своего досуга Моцарт предпочитал проводить вне дома. Каждый день его можно было встретить после обеда в кофейне за бильярдом, а по вечерам он нередко заглядывал в трактир. Он любил выезжать с компанией за город, в коляске или верхом; будучи первоклассным танцором, посещал балы и маскарады и несколько раз в году от всей души веселился на народных празднествах, особенно в день святой Бригитты, когда появлялся в костюме Пьеро.

Подобного рода развлечения, то быстро сменяющие друг друга и необузданные, то созвучные более спокойному настроению, давали ему отдохновение после длительного душевного напряжения и огромной затраты сил; к тому же они, как бы незначай, оставляли в его памяти те мимолетные, еле уловимые впечатления, которые способны вдохновить бессознательно бредущего какими-то таинственными путями гения. Но в часы, когда он жаждал испытать до дна чашу веселия, к сожалению, ничто — ни доводы рассудка, ни чувство долга, ни инстинкт самосохранения, ни даже заботы о доме не могли остановить его. Как в наслаждениях, так и в творчестве Моцарт не знал ни удержу, ни меры. Часть ночи он посвящал обычно композиции. Утром, нередко еще лежа в постели, он обрабатывал написанное за ночь. Потом, с десяти, пешком или в присланном за ним экипаже ездил по урокам, которые, как правило, отнимали у него и несколько послеобеденных часов.

«Мы трудимся без усталости, — писал он как-то одному из своих покровителей, — и нам зачастую бывает нелегко сохранить выдержку. Пользуясь репутацией хорошего клавиесиниста и учителя музыки, нахватаешь дюжину учеников, да еще берешь все время новеньких, не задумываясь над тем, выйдет ли из них толк, лишь бы исправно платили свой талер *per magis*¹. Радуешься любому венгерскому усачу из инженерного корпуса, которого от нечего делать черт дернул изучать генерал-бас и контрапункт; любой заносчивой графской дочке, которая встречает тебя, словно мастера Кокреля, своего цирюльника, вся красная от возмущения, ежели ты не появился у нее минута в минуту и т. д.». А когда, утомленный этими уро-

¹ Здесь: наличными деньгами (итал.).

ками, концертами, репетициями и тому подобными занятиями, Моцарт жаждал наконец свободно вздохнуть, мнимый отдых его натянутым до предела нервам подчас способно было дать лишь новое возбуждение. Здоровье его тайно подтачивал какой-то недуг; одолевавшие все чаще и чаще приступы тоски, если и не порождались, то, во всяком случае, усугублялись этим недугом, отчего в нем утвердилось предчувствие близкого конца, не покидавшее его ни днем, ни ночью. Всякого рода мрачные мысли, не исключая и чувства раскаяния, подобно горькой приправе, отравляли любую выпадавшую на его долю радость; но мы знаем, что и эти страдания, просветленные и чистые, претворялись в глубокий, неиссякаемый источник сменяющих друг друга мелодий, которые, струясь из сотен золотых труб, изливали все муки и радости человеческой души.

Пагубные последствия подобного образа жизни сказывались и на домашнем укладе. Моцарта можно было упрекнуть в безрассудной и легкомысленной расточительности даже в тех случаях, когда проявлялось одно из самых прекрасных свойств его характера. Всякий, кто, будучи в крайней нужде, приходил к нему занять денег или попросить поручительства, обычно мог быть уверен, что от него не потребуют ни расписки, ни залога; Моцарту сие было так же несвойственно, как ребенку. Он предпочитал все раздаривать, причем всегда был приветлив и великодушен, особенно если считал, что денег у него с избытком.

Связанные с этим затраты, равно как и расходы, необходимые на ведение хозяйства, никоим образом не соответствовали его скудным доходам. Денег, получаемых им от театров и за концерты, от издателей и учеников, вместе с пожалованной ему императором пенсией, не хватало, тем более что вкусы публики были еще далеки от

безоговорочного признания музыки Моцарта. Непорочная красота, богатство и глубина ее содержания приводили в недоумение публику, привыкшую к излюбленным, легко усваиваемым музыкальным блюдам. Правда, в свое время венцы никак не могли насытиться «Бельмонтом и Констанцией», благодаря народности этой оперы. Поставленный же несколько лет спустя «Фигаро», соперничая с милой, но куда менее значительной «Cosa гага»¹, неожиданно и, конечно, не только из-за интриг директора, потерпел полный провал; тот самый «Фигаро», которого более образованные и менее предвзято настроенные пражские слушатели тут же приняли с таким энтузиазмом, что растроганный маэстро в знак благодарности решил написать для них свою следующую большую оперу. Несмотря на неблагоприятные времена и козни недругов, Моцарт мог бы все же, прояви он большую осмотрительность и ловкость, извлекать весьма значительный доход с помощью своего искусства, но он оставался в накладе даже в тех случаях, когда непредубежденная толпа невольно выражала ему свои восторги. Короче говоря, всё — судьба, характер и собственные ошибки — мешало преуспеванию этого исключительного человека.

Нетрудно понять, сколь тяжелым в таких условиях становилось положение хозяйки дома, если только она относилась серьезно к своим обязанностям. Несмотря на свою молодость, жизнерадостность и некоторую беспечность, унаследованную от отца-музыканта, Констанция, с детских лет привыкшая к лишениям, всеми силами старалась предотвратить беду и, пока еще не поздно, по возможности выправить положение и возместить крупные потери, экономя на мелочах. Последнее ей, правда, плохо

¹ «Редкостная вещь» (итал.).

удавалось, может быть, за отсутствием должного умения и необходимого опыта. Она распоряжалась деньгами и вела книгу домашних расходов; со всеми претензиями, напоминаниями о неоплаченных долгах и вообще по каждому неприятному поводу неукоснительно обращались к ней одной. Она нередко бывала близка к отчаянию, тем более что такого рода трудности, вечные нехватки, мелочные заботы и страх перед грозящим позором усугублялись еще и приступами меланхолии мужа, во время которых он, забросив работу и недоступный никаким утешениям, целыми днями сидел, вздыхая и жалуясь, подле жены или же, забравшись в какой-нибудь укромный угол, предавался неотступно преследовавшим его мрачным мыслям о смерти. И все же бодрость духа редко покидала ее, а ясный ум почти всегда находил хотя бы временный выход из создавшихся затруднений. Но, в сущности, это мало или же вообще ничего не изменяло. И если ей даже удавалось укором, шуткой, уговорами или лаской добиться, чтобы сегодня он вместе с ней выпил чаю или поужинал в семейном кругу и не уходил вечером из дома, то чего она этим достигала? Случалось, что он, пораженный и растроганный заплаканным видом жены, искренне проклинал ту или иную из своих дурных привычек и давал самые благие обещания, даже превышающие ее требования, и что же? Незаметно для себя он снова попадал в привычную колею. Поневоле начинало казаться, что жить иначе не в его власти и что если бы ему был навязан силой совершенно иной образ жизни, приличествующий, согласно нашим понятиям, всем без исключения людям, то этот удивительный человек не смог бы существовать.

Констанция не переставала все же надеяться на благоприятную перемену в делах, которая, по ее мнению,

неминуемо должна была наступить, поскольку растущая слава ее мужа не могла не привести к коренному улучшению их благосостояния.

Как только, думала она, спадет тот тяжелый гнет нужды, который, то с большей, то с меньшей силой тяготит и его, как только он, вместо того чтобы тратить добрую половину сил и времени на добывание денег, сможет полностью отдаться своему истинному призванию и, наконец, не испытывая угрызений совести, сможет вкушать всю прелесть тех удовольствий, кои сейчас не так-то для него доступны, — он сразу же станет спокойнее, естественнее и мягче. Констанция подумывала даже о переезде при случае в другой город, ибо надеялась все же преодолеть его нежную привязанность к Вене, где, по ее убеждению, ему явно не везло.

Госпожа Моцарт полагала, что успех новой оперы, постановка которой и послужила причиной этой поездки, будет решительным образом способствовать осуществлению всех ее чаяний и надежд.

Опера была уже написана больше чем наполовину. Близкие друзья — свидетели создания этой замечательной вещи, — способные по-настоящему оценить ее и составившие себе достаточно полное представление о ее характере и силе, повсюду говорили о ней в таких тонах, что даже ярые противники композитора склонны были поверить, что не пройдет и полугода, как этот «Дон-Жуан» всколыхнет, перевернет вверх дном, покорит музыкальный мир всей Германии. Более осторожно и неопределенно высказывались те доброжелатели, которые, учитывая тогдашние взгляды на музыку, не надеялись на полный и быстрый успех. Сам маэстро втайне разделял их более чем обоснованные сомнения.

Констанция же — как и все женщины, которые куда реже, чем мужчины, испытывают неуверенность, ибо подчиняются чувствам, да и к тому же одержимы подчас вполне определенными желаниями, — твердо верила в удачу, и вот теперь, в карете, ей вновь представился случай отстаивать свою точку зрения. Она проделала это со свойственной ей живостью и страстностью, причем с удвоенным усердием, так как во время предыдущего разговора, который был, по существу, совершенно бесплодным и поэтому оборвался, не дав им ничего, кроме чувства неудовлетворенности, Моцарт заметно помрачнел. Констанция обстоятельно и все так же оживленно принялась разъяснять мужу, как по возвращении домой распределит на уплату безотлагательных долгов и на другие нужды те сто дукатов, которые они, согласно договоренности, получают от пражского антрепренера за партитуру, и как надеется прожить всю зиму до самой весны, не делая долгов.

— Твой господин Бондини сумеет изрядно пожить-ся на этой опере; и если он хотя бы наполовину так честен, как ты его рисуешь, то дополнительно пришлет тебе приличный процент с тех денег, которые получит от других театров за копии твоей партитуры; если же нет — ну что ж, у нас, слава богу, найдутся и другие источники дохода, даже в тысячу раз более солидные. Такое уж у меня предчувствие.

— А ну-ка, рассказывай!

— Мне птичка на хвосте весть принесла, что прусскому королю требуется капельмейстер.

— Вот как?

— Я хотела сказать генеральный директор. Дай мне немного пофантазировать. Эту слабость я унаследовала от матушки,

— Ну, давай фантазируй, чем несуразнее, тем лучше!
— Нет, все будет вполне правдоподобно. Итак, представь, что в это время через год...

— ...папа в жены Гретль возьмет...

— Замолчи, насмешник. Поверь мне, ровно через год, ко дню святого Эгидия, придворного композитора по имени Вольф Моцарт в Вене и след простынет.

— Типун тебе на язык!

— Я ясно представляю себе, как наши старые друзья судачат про нас. И чего только тут не услышишь!

— Что, например?

— Например, в один прекрасный день, рано утром, часу этак в десятом, наша старая фантазерка Фолькштет уже мчится самым быстрым своим визитерским аллюром по Кольмаркту. Целых три месяца ее не было в Вене; долгожданное путешествие в Саксонию, к зятю, ежедневно обсуждавшееся с тех пор, как мы знакомы, наконец-то состоялось; она вернулась только вчера ночью и не в силах усидеть дома, ее так и распирает от радостного возбуждения, нетерпеливого желания увидеть свою приятельницу и поделиться с ней интереснейшими новостями; она спешит прямехонько к полковнице, взбегает по лестнице, стучится и, не дожидаясь ответа, влетает в комнату: только представь себе их взаимные восторги и нежные объятия. «Ах, милейшая, добрейшая госпожа полковница, — начинает она, едва переведя дух после первых лобзаний и приветствий. — Я привезла вам целый ворох приветов, и от кого?! Отгадайте-ка! Я приехала ведь не прямо из Стендаля, а сделала небольшой крюк влево, в сторону Бранденбурга». — «Не может быть?.. Вы были в Берлине? Видели Моцартов?» — «Я провела у них десять божественных дней». — «О, милая, дражайшая, бесценная моя генеральша, расскажите же, опишите

мне все подробно. Как поживают наши добрые друзья? Так же ли им там нравится, как вначале? Мне все еще кажется непостижимым, до сих пор не верится, а тем более теперь, после того как вы у них побывали, что Моцарт — берлинец! Как он себя там чувствует? Как выглядит?» — «О, Моцарт! Если бы вы только его увидели. Нынешним летом король отправил его в Карлсбад. Ну разве пришло бы это в голову нашему обожаемому императору Иосифу? Когда я приехала, Моцарты только что вернулись оттуда. Он пышет здоровьем, жизнерадостен, потолстел, покруглел и подвижен, как ртуть: глаза его так и сияют довольством и счастьем».

Тут наша рассказчица, войдя в роль, принялась в самых радужных красках расписывать свою новую жизнь. В ее устах ожило и стало казаться явью все, начиная с квартиры Моцарта на Унтер-ден-Линден, сада, загородного дома и кончая блистательной ареной его публичных выступлений и узким придворным кругом, где он аккомпанировал королеве на фортепьяно. Констанция так и сыпала анекдотами и сочиняла целые диалоги. Можно было подумать, что королевская резиденция в Потсдаме и Сан-Суси знакомы ей лучше, нежели замок Шенбрунн и императорский дворец. К тому же у нее хватило лукавства надеть на нашего героя множеством совершенно новых, присущих хорошему семьянину качеств, развившихся на солидной основе прусского быта, причем величайшим чудом и свидетельством того, что от одной крайности до другой рукой подать, упомянутая Фолькштет сочла зачатки подлинной скупости, которая была ему удивительно к лицу. «Только представьте себе, он получает три тысячи талеров, и как вы думаете, за что? За то, что раз в неделю дирижирует камерным концертом и два раза — оперой. Ах, дорогая моя полковница, я видела на-

шего милого, бесценного маленького Моцарта во главе превосходного, вышколенного им оркестра, который боготворит его. Я сидела с Констанцией в ее ложе, как раз наискосок от ложи их высочеств. И что, вы думаете, было в программе? — Я нарочно захватила ее для вас, завернув в нее скромный подарок от себя и от Моцартов. — Вот, смотрите, читайте, что здесь напечатано огромными буквами!» — «Помилуй бог, что это? «Тарар». — «Да, друг мой, вот до чего довелось нам дожить. Два года назад, когда Моцарт писал своего «Дон-Жуана», а гнусный, позеленевший от злости Сальери тайне прилагал все усилия, чтобы добиться в своей стране такого же триумфа, какой имела его опера в Париже, готовясь показать наконец нашей невзыскательной публике, питающейся каплунами и в любое время готовой восторгаться «Cosa гага», нечто, сходное, по его мнению, с благородным соколом; в то время, когда он со своими сообщниками уже строил всякие козни и интриги, стремясь подать «Дон-Жуана» на театре в таком же ошипанном виде, как это удалось ему в свое время с «Фигаро», — я поклялась ни за что на свете не ходить на его пакостную вещь, если ее все-таки поставят. И я сдержала свое слово. Когда все, в том числе и вы, дорогая полковница, сломя голову помчались в театр, я осталась у своего очага, взяла на колени кошку и принялась за суп из потрохов; точно так же поступала и во время последующих представлений. А теперь, подумать только, «Тарар» на сцене Берлинской оперы, и Моцарт дирижирует произведением своего заклятого врага. «Вы обязательно должны пойти послушать эту оперу! — воскликнул он в первые же минуты нашей беседы. — Хотя бы только для того, чтобы передать венцам, что я не дал упасть ни одному волоску с головы отрока Авессалома. Я хотел бы, чтобы этот архизавистник

сам побывал на спектакле и убедился, что мне незачем корезить чужие произведения, ибо я хочу всегда оставаться таким, каков я есть».

— Bravo! Брависсимо! — закричал во весь голос Моцарт и, нежно взяв свою женушку за уши, стал осыпать ее поцелуями, ласкать и щекотать, так что в конце концов эти мечтания о будущем, которым они предавались как дети, увлекшиеся радужными мыльными пузырями, мечтания, которым никогда, даже в самой скромной мере, не суждено было осуществиться, завершились взрывом бурного веселья, возней и смехом.

Тем временем они давно уже спустились в долину и приблизились к деревне, которую увидели еще с холма, а за ней среди цветущих лугов и полей возвышался небольшой замок современного стиля — резиденция некоего графа фон Шинцберга. В этой деревне решено было покормить лошадей, пообедать и отдохнуть. Постоялый двор, где остановилась их карета, был расположен поодаль от других домов на самом краю деревни, у дороги, от которой в сторону господского парка тянулась обсаженная тополями аллея длиной шагов в шестьсот.

Когда они вышли из кареты, Моцарт, по обыкновению, предоставил заботы об обеде жене. Сам же велел принести себе стакан вина, меж тем как Констанция попросила дать ей глоток холодной воды и отвести куда-нибудь, где она могла бы часок вздремнуть. Ее провели по лестнице наверх, супруг последовал за ней, что-то бодро напевая и насвистывая. В чисто выбеленной и наскоро проветренной комнате, среди старинной обветшалой мебели, несомненно перекочевавшей сюда в свое время из графских покоев, стояла небольшая опрятная кровать с расписным балдахином на тонких, покрытых зеленым лаком столбиках, шелковый полог которого дав-

но уже был заменен занавесками из простой материи. Констанция стала располагаться, Моцарт пообещал вовремя ее разбудить; она заперла за ним дверь, а он сошел вниз в трактир, надеясь хоть чем-нибудь занять время. Однако, кроме хозяина, там не оказалось ни души, а так как разговоры последнего, да и вино его гостю пришлось не по вкусу, то он решил в ожидании обеда пойти прогуляться в графский парк. Ему сказали, что приличной публике доступ туда разрешен, к тому же в тот день хозяева замка были в гостях.

Он вышел из трактира и, быстро пройдя короткий путь до открытых настежь решетчатых ворот, слегка замедлил шаг, вышел на аллею, обсаженную высокими старыми липами; в конце этой аллеи, слева, взору его внезапно открылся фасад замка. Построенный в итальянском стиле, с выступающей в сад двойной лестницей, он был выкрашен в светлый цвет; шиферную крышу его украшало несколько ничем не примечательных статуй богов и богинь и ажурная балюстрада.

Пройдя меж двух находившихся еще в полном цвету клумб, наш маэстро направился в тенистую часть парка, миновал несколько красивых куп темно-зеленых пиний, а затем побрел по причудливо извивающимся тропинкам, постепенно приближаясь к более открытым участкам, и вскоре вышел к фонтану, веселое журчание которого давно уже доносилось до его слуха.

Вдоль довольно большого овальной формы бассейна были расставлены тепличные растения в кадках — лавры и олеандры, носившие на себе следы заботливого ухода, вокруг вилась усыпанная мягким песком дорожка, проходившая мимо маленькой решетчатой беседки. Беседка эта была прекрасным местом для отдыха; в ней стояли

крошечный столик и скамья, на которую у самого входа и опустился Моцарт.

Наш герой с наслаждением прислушивался к мирному плеску воды, устремив взгляд на небольшое, усыпанное прекрасными плодами померанцевое дерево, что, нарушив общий порядок, одиноко стояло как раз возле беседки, прямо на земле; вид этого посланца юга внезапно пробудил в душе композитора милое ему воспоминание далекого детства. Задумчиво улыбаясь, он потянулся к ближайшему из висевших на дереве плодов, как бы для того, чтобы ощутить на своей ладони его предестную округлость и сочную свежесть. Видение юных лет, только что вновь ожившее в его воображении, тесно переплеталось с давно забытой музыкальной фразой, которую он, предавшись на мгновение мечтам своим, теперь упорно старался воскресить в памяти. Но вот глаза его заблестели, взгляд стал скользить по окружающим предметам — он весь во власти какой-то неотвязно преследующей его мысли. В рассеянности он вновь дотронулся до апельсина, который неожиданно отделился от ветки и остался у него в руке. Он это видел, но не сознавал; этот гениальный художник настолько углубился в свои мысли, что, сам, того не замечая, непрестанно вертел в руке ароматный плод, вдыхая его чудесный запах и неслышно, лишь движением губ, воспроизводя то начало, то середину какой-то мелодии; затем инстинктивно извлек из бокового кармана эмалевый футляр, достал оттуда маленький серебряный ножичек и медленно разрезал пополам оранжевый мясистый шар. Может быть, им руководило при этом безотчетное чувство жажды, однако, будучи до крайности возбужден, он удовольствовался одним лишь божественным ароматом апельсина. Несколько минут он задум-

чиво смотрел на мякоть обеих половинок, бережно, очень бережно сложил их вместе, вновь раскрыл и снова соединил.

Вдруг поблизости послышались шаги, он вздрогнул, и только тут до его сознания дошло, где он и что натворил. Он хотел было спрятать апельсин, но сразу же одумался, то ли из чувства гордости, то ли потому, что было уже слишком поздно. Перед ним стоял высокий, широкоплечий человек в ливрее — садовник замка. Успев, вероятно, уловить последнее подозрительное движение незнакомца, он несколько секунд в недоумении молчал. Моцарт, как бы пригвожденный к скамье и тоже лишившийся дара речи, слегка улыбаясь и заметно покраснев, однако довольно дерзко и открыто, смотрел на него своими голубыми глазами, затем — третьему лицу это показалось бы крайне забавным — положил невредимый на вид апельсин с подчеркнутой и несколько вызывающей решимостью на середину стола.

— Покорнейше прошу прощения, — проговорил тут со скрытой досадой садовник, успевший рассматреть не внушившую ему особого доверия одежду незнакомца. — Я не знаю, с кем я...

— Капельмейстер Моцарт из Вены.

— Вы, надо полагать, знакомы с хозяевами замка?

— Я здесь проездом и никого не знаю. Дома ли господин граф?

— Нет.

— А его супруга?

— Она занята и едва ли сможет принять вас.

Моцарт поднялся и хотел было уйти.

— С вашего позволения, сударь, как это вам могло прийти в голову угощаться здесь подобным образом?

— Что?! — воскликнул Моцарт. — Угощаться? Черт по-дери, уж не думаешь ли ты, что я собирался совершить кражу и сожрать эту штуку?

— Сударь, я думаю лишь то, что вижу. Эти плоды пересчитаны, и я отвечаю за них. Господин граф предназначил это дерево для предстоящего праздника, за ним должны сейчас прийти. Я не отпущу вас до тех пор, пока не доложу о случившемся и пока вы не объясните сами, как все произошло.

— Будь по-твоему. Я подожду покамест здесь. Можешь на меня положиться.

Садовник нерешительно огляделся по сторонам, и Моцарт, думая, что дело лишь за подачкой, сунул руку в карман, но там, увы, не оказалось ни гроша.

Тут действительно появились двое работников, поставили деревце на носилки и унесли его. Тем временем наш маэстро достал свой бумажник, вынул чистый листок бумаги и в присутствии не отходившего ни на шаг садовника написал карандашом:

«Милостивая государыня! Здесь, в Вашем райском уголке сидит нечестивец, кодобный блаженной памяти Адаму, отведавшему яблока. Несчастье свершилось, и я не могу свалить вину на какую-нибудь добрую Еву, ибо Ева спит сейчас невинным сном на постоялом дворе, и над пологом ее кровати витают Грации и амурь. Прикажете, — и я буду лично держать ответ перед Вашей милостью за свой, мне самому непонятный проступок. Искренне кающийся

Вашего сиятельства
покорнейший слуга

В.-А. Моцарт

на пути в Прагу».

Довольно неловко сложенную записку он вручил упорно дожидавшемуся садовнику, наказав передать ее графине. Стоило только церберу удалиться, как по ту сторону замка послышался стук въезжавшего во двор экипажа. Это был граф, привезший из соседнего имения племянницу и ее жениха, молодого богатого барона. Мать барона уже много лет не выходила из дома, поэтому помолвка состоялась сегодня у нее, а теперь торжество решено было завершить в кругу близких родственников здесь, в замке, где Евгения с раннего детства обрела отчий дом и воспитывалась, как родная дочь.

Графиня с сыном Максом, молодым лейтенантом, отправилась домой несколько раньше, чтобы отдать последние распоряжения. На переходах и лестницах замка все было в движении, и садовнику с трудом удалось вручить наконец записку графине; однако та не стала ее разворачивать и, почти не обратив внимания на слова подателя, хлопотливо поспешила дальше. Слуга ждал и ждал, госпожа все не возвращалась. Мимо него то и дело сновала прислуга — лакеи, горничные, камердинеры; он спросил о его сиятельстве, — тот переодевался; тогда садовник отправился на поиски и нашел молодого графа Макса, однако тот был увлечен беседой с бароном и, как бы опасаясь, что садовник доложит или спросит о чем-нибудь, что еще не должно было стать достоянием гласности, оборвал его на полуслове: «Сейчас приду — ступай!» Прошло еще немало времени, прежде чем отец и сын вышли наконец из своих комнат и узнали досадную новость.

— Это же черт знает что такое! — закричал толстый и добродушный, но несколько вспыльчивый граф. — Этому просто названия нет! Говоришь, музыкант из Вены? Наверно, один из тех голодранцев, что выпрашивают деньги на дорогу и подбирают все, что плохо лежит!

— Прошу прощения, ваша милость, с виду он не таков. У него, мне кажется, не все дома; к тому же он очень спесив. Назвался этот человек Мозером. Сейчас он ждет внизу вашего решения; я поручил Францу оставаться поблизости и приглядывать за ним.

— Что с того толку, черт побери! Если я и засажу этого болвана за решетку, беды все равно не поправить. Я тебе тысячу раз приказывал держать всегда ворота на запоре. Такой наглый поступок был бы невозможен, если бы ты помнил о своих обязанностях.

Но тут из соседней комнаты стремительно вышла охваченная радостным возбуждением графиня с развернутой запиской в руке.

— Вы знаете, — воскликнула она, — кто у нас в саду?! Прочтите, бога ради, это письмо, — Моцарт, композитор из Вены! Надо сейчас же пойти пригласить его наверх, — я боюсь, как бы он не ушел! Что только он обо мне подумает! Надеюсь, что ты был с ним вежлив, Вельтен? Но что, собственно, произошло?

— Что произошло? — проворчал супруг, гнев которого не способно было сразу умерить даже известие о визите столь знаменитого человека. — Этот сумасшедший сорвал с дерева, которое я предназначил в подарок Евгении, один из девяти апельсинов. Чудовище! Он испортил всю нашу затею, и Макс у остается только разорвать свои стихи.

— Да нет же! — возразила графиня. — Эта беда легко поправима, предоставьте все мне. А вы оба идите и освободите этого славного человека, да будьте с ним как можно любезнее и радушнее. Он должен остаться здесь на сегодняшний день, надеюсь, нам удастся его задержать. Если вы не застанете его в саду, то ступайте на постоянный двор и привезите сюда вместе с женой. Судьба

едва ли могла уготовить сегодня Евгении лучший подарок и более приятный сюрприз.

— Конечно! — согласился Макс. — Я тоже сразу же об этом подумал. Идемте скорее, папá! А о стихах, — продолжал он, когда они поспешно направлялись к лестнице, — вам не следует беспокоиться. Девятая муза в обиде не останется; напротив, я сумею еще извлечь из этой неприятной истории кое-какую выгоду.

— Сие невозможно.

— Вот увидите.

— Ну, если так, — ловлю тебя на слове, — мы примем этого чудака, как самого почетного гостя.

Пока все это происходило в замке, наш квази пленник, не слишком тревожась об исходе дела, довольно долго что-то писал. Затем, поскольку решительно никто не появлялся, начал беспокоиться, начал расхаживать взад и вперед; а тут еще из трактира дали знать, что обед давно уже готов и его просят поскорее вернуться, ибо возница торопит с отъездом. Он собрался было уже уходить, как вдруг у входа в беседку появились хозяева замка.

Граф, словно старого знакомого, горячо приветствовал его своим зычным голосом и, не дав ему возможности принести извинений, тотчас пригласил супружескую чету провести в кругу его семьи хотя бы остаток дня.

— Любезнейший маэстро, вы нам отнюдь не чужой, и я смело могу вас заверить, что имя Моцарт вряд ли где произносится чаще и с бóльшим восхищением, чем у нас. Моя племянница поет и играет, она почти целый день проводит за фортепьяно, знает наизусть ваши сочинения и давно испытывает страстное желание увидеть вас поближе, чем это довелось ей прошлой зимой на одном из ваших концертов. И поскольку мы в скором времени собираемся на несколько недель в Вену, то родные обещали

ей достать приглашение к князю Голицыну, где вас довольно часто можно встретить. Но вы теперь уезжаете в Прагу, откуда не так скоро вернетесь, и, бог знает, заедете ли сюда на обратном пути. Сделайте одолжение, отдохните у нас сегодня и завтра. Карету мы сейчас же отошлем обратно, а мне разрешите взять на себя заботы о вашем дальнейшем путешествии.

Композитор, который в подобных случаях из дружеских чувств или в погоне за развлечениями легко приносил чуть ли не в десять раз большие жертвы, чем это требовалось от него сейчас, колебался недолго; он с радостью согласился задержаться на эти полдня с условием, что завтра чуть свет продолжит свое путешествие. Молодой граф попросил доставить ему удовольствие, разрешив поехать за госпожой Моцарт и уладить все необходимое на постоялом дворе. Он отправился туда пешком, а следом за ним был выслан экипаж.

Кстати, мы можем заметить об этом молодом человеке, что унаследованный от отца с матерью веселый нрав сочетался у него с талантом и любовью к изящным искусствам и что, не испытывая подлинного призвания к военной службе, он все же выделялся среди офицеров своей эрудицией и хорошими манерами. Он хорошо изучил французскую литературу и в ту пору, когда немецкая поэзия мало ценилась в высшем обществе, сумел стянуть похвалы и признание благодаря необычайной легкости, с которой писал стихи на родном языке, следуя таким образцам, как Хагедорн, Гетц и другие поэты. И вот сегодня, как нам уже стало известно, ему представился особо приятный случай проявить свой талант.

Молодой граф застал госпожу Моцарт за накрытым столом, когда та уже успела съесть тарелку супа и беседовала с дочерью трактирщика. Она настолько привыкла

к неожиданным выходкам своего мужа, что нисколько не удивилась появлению молодого офицера и переданному им приглашению. Полная неподдельного веселья, она тут же деловито и умело все обсудила и уладила сама. После того как вещи были уложены, счета оплачены и возница отпущен, она, не слишком заботясь о своем наряде, оделась и в самом радужном настроении отправилась со своим провожатым в замок, даже не подозревая, каким необычным путем проник туда ее супруг.

Последний уже успел тем временем освоиться в замке, где ему был оказан любезный прием. Вскоре он увидел Евгению вместе с ее нареченным — цветущую, чрезвычайно привлекательную и милую девушку. Светловолосая и стройная, она была по-праздничному одета в ярко-красное платье из блестящего шелка, отделанное дорогими кружевами; лоб ее украшала белая лента, расширенная драгоценным жемчугом. Барон, который был чуть постарше ее, — человек кроткого, общительного нрава, — казался достойным ее во всех отношениях.

Вначале разговор поддерживал в свойственной ему довольно шумной манере, пересыпая речь шутками и анекдотами, добродушный и веселый хозяин дома, отличавшийся, пожалуй, даже несколько излишней словоохотливостью. Были поданы прохладительные напитки, и наш путешественник не преминул воздать им должное.

Кто-то из присутствующих поднял крышку фортепьяно. На пюпитре уже лежали раскрытые ноты «Свадьбы Фигаро», и Евгения приготовилась спеть под аккомпанемент барона арию Сюзанны из знаменитой сцены в саду, где изливающаяся мощным потоком страсть опьяняет нас, подобно насыщенному пряным ароматом воздуху летнего вечера. Нежный румянец на щеках Евгении на какое-то мгновение сменился мертвенной бледностью; но с первым

же мелодичным звуком, слетевшим с ее уст, спали все стеснявшие ее грудь оковы. Казалось, будто она с улыбкой уверенно вознеслась на гребень высокой волны, и ощущение исключительности этого момента, сознание того, что ничто подобное, быть может, никогда в жизни не повторится, не могло не воодушевлять ее.

Моцарт был приятно поражен. Когда она кончила, он подошел к ней и проговорил со свойственной ему подкупающей сердечностью:

— Не знаю, что и сказать вам, милое дитя; вы напоминаете мне ясное солнышко, которое не нуждается ни в каких похвалах, ибо каждый, кто согрет его лучами, испытывает блаженство! Когда слушаешь такое пение, душа радуется, точно дитя, сидящее в ванночке, что смеется, и удивляется, и не может представить себе большей благодати. Впрочем, поверьте мне, нашему брату в Вене не каждый день доводится слушать свои произведения в таком благородном, искреннем, задушевном и, смею вас заверить, в таком совершенном исполнении.

Высказав все это, он с чувством поцеловал ее руку. Необычайная любезность и доброта этого человека, так же как и лестный отзыв о ее таланте, настолько растрогали Евгению, что она почувствовала как бы легкое головокружение, и глаза ее внезапно наполнились слезами.

Тут в дверях появилась госпожа Моцарт, а вскоре прибыли и другие приглашенные: проживавшая по соседству дворянская семья — близкие родственники хозяев — с дочерью Франциской, которая с детских лет нежно дружила с невестой и чувствовала себя здесь как дома.

Начались взаимные приветствия, объятия, поздравления, друзьям были представлены гости из Вены, и Моцарт сел за фортепьяно. Он сыграл часть одного из своих концертов, который как раз разучивала Евгения.

Естественно, что в таком узком кругу воздействие исполнителя на слушателей совершенно иное, чем в публичных концертах, ибо огромное удовлетворение доставляет непосредственное общение с великим человеком и гениальным художником в непринужденной домашней обстановке.

Это было одно из тех блестящих творений, в которых истинная красота иногда, как бы покоряясь капризу, добровольно уступает место внешней красивости; однако, будучи облачена в более произвольные, легкие формы и скрыта за множеством ослепительных эффектов, она все же обнаруживает в каждом движении присущее ей благородство и излучает необычайный по силе пафос.

Графиня отметила про себя, что у большинства слушателей, не исключая, возможно, и самой Евгении, несмотря на их глубокую сосредоточенность и на благоговейную тишину, царившую во время волшебной игры, внимание разделялось между зрением и слухом. Невольно наблюдая за композитором, за его скромной, почти скованной манерой держать себя, глядя на его добродушное лицо, на плавные движения его маленьких рук, действительно нелегко было устоять перед натиском бесконечного множества самых различных мыслей об этом необыкновенном человеке.

Когда маэстро поднялся, граф, обращаясь к госпоже Моцарт, сказал:

— Когда тебе приходится иметь дело со знаменитым артистом и ты хочешь высказать ему похвалу, показав себя знатоком, что дано далеко не каждому, невольно начинаешь завидовать королям и императорам. Ведь в устах коронованных особ все кажется неповторимым и значительным. Им все дозволено! Как удобно, например, сидя позади вашего супруга, похлопать скромного

маэстро по плечу во время заключительного аккорда какой-нибудь бравурной фантазии и промолвить: «Ах, милый Моцарт, вы просто молодчина!» Стоит вам только произнести эти слова, как по всему залу мигом разносится: «Что он ему сказал?» — «Он назвал его молодчиной». И каждый, кто пикирует на скринке, поет фистулой или пописывает ноты, в восторге от одного этого слова; короче говоря, это — блестящий, фамильярный, совершенно неподражаемый стиль, свойственный только императорам и всегда возбуждавший во мне чувство зависти к Иосифам и Фридрихам; а сейчас, когда я в полном отчаянии оттого, что в запасе у меня не находится ничего мало-мальски остроумного, я завидую им пуще прежнего.

Всю эту тираду граф произнес в присущей ему шутовой манере, всегда покорявшей слушателей и неизбежно вызывавшей смех.

Но вот по приглашению хозяйки дома все общество направилось в празднично убранную круглую столовую, откуда навстречу входившим повеяло ароматом цветов и столь благотворно влияющей на аппетит прохладой.

Все заняли умело распределенные места, причем почетный гость оказался напротив жениха с невестой. По одну его сторону сидела пожилая дама небольшого роста, незамужняя тетка Франциски, по другую — соседкой была сама молодая и очаровательная племянница, которая своим умом и живостью характера вскоре сумела снять особое его расположение. Госпожу Констанцию усадили между хозяином дома и ее любезным провожатым — лейтенантом; остальные также заняли предназначенные им места, и, таким образом, за столом, один конец которого оставался пустым, вперемежку расселось одиннадцать человек. Посередине стола возвышались две огромные фарфоровые вазы, которые были расписаны фи-

гурами, как бы державшими над собой широкие чаши, доверху наполненные живыми цветами и фруктами. Стены зала были украшены роскошными гирляндами. Все, что здесь было расставлено, равно как и то, что подавалось слугами, предвещало, по-видимому, длительное пиршество. Между блюдами и вазами и на видневшемся в глубине столике искрились благородные напитки, переливавшиеся всеми цветами радуги — от темно-красного, почти черного, до золотистых тонов шампанского, воздушная пена которого с давних пор венчает лишь вторую половину праздника.

Некоторое время беседа, в которой принимали участие все присутствующие, касалась самых различных тем. Но поскольку граф с самого же начала, сперва очень туманно, а потом все определеннее и смелее, намекал на историю, приключившуюся с Моцартом в парке, так что одни втихомолку посмеивались, а другие понапрасну ломали себе голову, стараясь угадать, что он имеет в виду, наш герой решил, наконец, рассказать все начистоту.

— Я хочу с божьей помощью покаяться, — начал он, — и поведать вам, каким образом я имел честь познакомиться с этим благородным семейством. Мне в этой истории выпала не слишком-то достойная роль, и, вместо того чтобы весело пировать здесь, я чуть было не угодил в одну из темниц графского замка, где мне пришлось бы сейчас умирать с голода и рассматривать паутину на стенах.

— Вот так так! — воскликнула госпожа Моцарт. — Любопытные вещи мне, видно, придется услышать.

Тут маэстро со всеми подробностями рассказал, как оставил жену в «Белом коне», описал свою прогулку по парку, роковое происшествие в беседке, переговоры с цербером-садовником, словом, примерно то, что нам уже

известно, причем изложил все с величайшим прямотушением, доставив немалое удовольствие слушателям. Хохот почти не смолкал; даже спокойная и всегда уравновешенная Евгения не могла удержаться — она так и покатывалась со смеху.

— Так вот, — продолжал он, — недаром пословица гласит: «Не было бы счастья, да несчастье помогло!» Я извлек из этого приключения и кое-какую выгоду, вот увидите. Но прежде всего вы должны узнать, почему, собственно говоря, столь великовозрастный ребенок мог так забыться. Причиной всему одно воспоминание детства.

Весной тысяча семьсот семидесятого года, тринадцатилетним мальчишкой, я поехал с отцом в Рим. Из Рима мы отправились в Неаполь. Я дважды играл в консерватории и неоднократно выступал в других местах. Дворянство и духовенство оказывало нам всяческие знаки внимания, особенно к нам привязался один аббат, который считал себя знатоком музыки и к тому же имел некоторый вес при дворе. За день до нашего отъезда он повел нас в сопровождении других господ в расположенный у самого моря великолепный королевский парк — *villa reale*¹, где показывала свое искусство труппа сицилийских комедиантов — *figli de Nettuno*², как они наряду с другими пышными титулами себя именovali. Вместе с многочисленными знатыми зрителями, среди коих была и молодая, приветливая королева Каролина с двумя принцессами, мы сидели на расставленных длинными рядами скамьях под тенью крытой, как шатер, галереи, у стен которой плескались волны. Море, словно окрашенное в

¹ Королевская загородная вилла, королевская усадьба (*итал.*).

² Сыны Нептуна (*итал.*).

разноцветные полосы, отражало залитый солнцем синий небосвод во всем его великолепии. Прямо перед нами был Везувий, а слева, будто сквозь дымчатую завесу, виднелся прелестный, мягко очерченный берег залива.

Первая часть представления закончилась; она происходила на дощатом настиле покачивавшихся на воде плотов и не представляла особого интереса; зато вторая, и наиболее примечательная часть, которая состояла из ряда номеров, исполнявшихся лодочниками, пловцами и ныряльщиками, навсегда со всеми подробностями запечатлелась в моей памяти.

С разных сторон друг к другу приблизились две изящные, очень легкие барки; обе, казалось, совершали увеселительную прогулку. На одной, несколько большей, была устроена полупалуба, и имелись не только скамьи для гребцов, но и тонкая мачта с парусом; к тому же она была великолепно расписана, а нос ее позолочен. Пятеро юношей идеальной красоты, полураздетые, с обнаженными руками, ногами и грудью, сидели на веслах, что не мешало им, однако, перекидываться шутками с пятью миловидными девушками, своими возлюбленными.

Одна из них, что сидела посреди палубы и плела венки, отличалась от остальных не только удивительной стройностью стана и красотой, но и нарядом. Подружки охотно прислуживали ей, держали над ней платок, чтобы защитить ее от солнца, и подавали из корзины цветы. У ног ее сидела флейтистка, сопровождавшая пение девушек нежной музыкой. И у этой изумительной красавицы был покровитель; однако оба они проявляли друг к другу явное безразличие — возлюбленный показался мне даже несколько грубоватым.

Тем временем подошло другое, более скромное на вид судно. В нем находились одни только юноши. Гребцы в

первой лодке были в ярко-красной одежде, во второй — в зеленой, цвета морской волны. Юноши в зеленом были приятно изумлены при виде хорошеньких девушек и стали делать им приветственные знаки, выражая желание познакомиться поближе. Тогда самая бойкая из девушек схватила розу, которая была приколоты у нее на груди, и с лукавой улыбкой высоко подняла ее над головой, как бы спрашивая, будет ли принят подобный подарок, на что с другой лодки жестами был дан единодушный и вполне определенный ответ. «Красные» с презрением и явным неудовольствием наблюдали за этой сценой, но ничего не могли поделать, когда несколько девушек, сговорившись между собой, решили бросить беднягам хоть что-нибудь, лишь бы те могли утолить голод и жажду. На палубе стояла корзина с золотыми шарами, в точности похожими на настоящие апельсины. И тут нашим взорам представилось восхитительное зрелище, разворачивавшееся под аккомпанемент оркестра, который находился на набережной.

Начало положила одна из юных дев, легко перебросившая на другую лодку несколько апельсинов, которые были там пойманы с наименьшей легкостью и тут же возвращены обратно; так началась перестрелка, а поскольку в игру постепенно включалось все больше и больше девушек, то вскоре в ту и другую сторону в возрастающем темпе перелетало уже не менее дюжины апельсинов. Красавица, сидевшая в центре, не принимала участия в этой битве и лишь с нескрываемым любопытством наблюдала за ней. Мы не могли надивиться ловкости, кою проявляли обе стороны. Лодки медленно кружились на расстоянии примерно тридцати шагов друг от друга, поворачиваясь одна к другой то бортом, то носовой частью; в воздухе непрерывно мелькало до двадцати четырех шаров, по

из-за всеобщей неразберихи казалось, что их гораздо больше. Иногда возникал настоящий перекрестный огонь; часто шары, взлетая и падая, описывали большую дугу; почти ни один из них не пролетал мимо цели; казалось, будто они, повинувшись силе притяжения, сами попадали в раскрытые руки.

Но, как ни приятно было это зрелище для глаз, не менее приятной была для слуха и исполнявшаяся при этом музыка: сицилийские напевы, танцы, сальтарелло, *canzoni a ballo*¹ — настоящие поурри, в которых все мелодии сплетались друг с другом, как бы образуя гирлянду. Младшая принцесса, прелестное и чрезвычайно наивное создание, примерно моих лет, грациозно кивала головкой в такт музыке; я и сегодня еще вижу ее улыбку и глаза оттененные длинными ресницами.

Теперь разрешите мне рассказать вам вкратце дальнейшее содержание этого веселого представления, хотя сие уже и не имеет непосредственного ко мне отношения!

Трудно представить себе что-нибудь более красивое. В то время как перестрелка постепенно затихала и только отдельные шары изредка перелетали еще в ту или другую сторону, а девушки собирали эти золотые плоды и складывали их в корзину, один из юношей, как бы играя, схватил широкую плетеную сеть зеленого цвета и ненадолго опустил в воду; когда же он вытащил ее, то, ко всеобщему удивлению, в ней оказалась огромная рыба, отливавшая синим, зеленым и золотистым блеском. Стоявшие вблизи подскочили, чтобы достать ее, но рыба выскользнула у них из рук, будто и в самом деле была живой, и упала в море. Это была своего рода военная

¹ Танцевальные песенки (итал.).

хитрость, с тем чтобы обмануть «красных» и заставить их покинуть корабль. Когда «красные» увидели, что рыба не уходит под воду, а все время играет на поверхности, они, словно замороженные этим чудом, не долго думая, бросились в море; юноши в зеленом последовали их примеру, и мы увидели, как двенадцать ловких, отлично сложенных пловцов силились поймать ускользавшую от них рыбу, которая качалась на волнах, на несколько мгновений исчезала под водой, а потом вновь появлялась то тут, то там, проскальзывая у одного между ног, у другого под самым подбородком. В тот момент, когда «красные», забывшись, увлеклись этой ловлей, противники их, внезапно поняв свое преимущество, с быстротой молнии взобрались на вражеский корабль, где оставались одни только девушки, которые, увидев их, подняли оглушительный визг. Самый прекрасный из юношей, сложенный как Меркурий, с радостной улыбкой подбежал к красавице, обнял и поцеловал ее, и она, не подумав даже присоединиться к крику остальных, также пылко заключила в свои объятия хорошо знакомого ей юношу. Правда, обманутая братия быстро подплыла к судну, но была отогнана от борта веслами и оружием. Бессильная ярость обманутых, крики испуганных девушек, стойкое сопротивление некоторых из них, мольбы и просьбы, почти заглушенные царившим вокруг шумом, плеском воды и музыкой, характер которой внезапно изменился, — все это было неопишимо прекрасно и вызвало бурный восторг зрителей.

В этот момент развернулся слабо закрепленный парус, и появился розовощекий мальчик с серебряными крылышками, луком, стрелой и колчаном; в грациозной позе он примостился на мачте. Вот уже усердно заработали все весла, надулся парус; но казалось, будто быстрее их корабль подгоняет устремившийся вперед в

страстном порыве юный бог; почти без передышки преследовавшие судно пловцы, один из которых в левой руке высоко над головой держал золотую рыбу, вскоре потеряли надежду нагнать его и, вконец обессиленные, вынуждены были искать убежища на покинутом корабле. Тем временем «зеленые» достигли маленького, заросшего кустарником полуострова, где неожиданно обнаружили большую лодку с находившейся в засаде вооруженной командой. Перед лицом такой угрозы «зеленые», в знак своей готовности вести мирные переговоры, выбросили белый флаг. Ободренные ответным сигналом, поданным с вражеской стороны, юноши в зеленом подъехали к полуострову, и через некоторое время мы увидели, как все милые девушки, за исключением одной, оставшейся по доброй воле, весело поднялись со своими возлюбленными на собственный корабль. Этим и закончилось представление.

— Мне кажется, — с сияющими от восторга глазами прошептала Евгения, обращаясь к своему жениху во время короткой паузы, когда все наперебой стали выражать свое одобрение рассказчику, — будто перед нами прошла сейчас целая симфония в красках, в коей во всем своем блеске проявился жизнеутверждающий гений Моцарта. Разве я не права? Разве нам не довелось сейчас ощутить все очарование «Фигаро»?

Жених собрался было передать ее слова композитору, но тут Моцарт снова заговорил:

— Прошло уже семнадцать лет с тех пор, как я впервые увидел Италию. Кто, побывав там хоть раз, особенно в Неаполе, не вспоминает об этом всю жизнь? Даже если он, как и я в то время, не вышел еще из детского возраста? Но, пожалуй, никогда этот чудесный вечер, проведенный мной на берегу залива, не вставал у меня так

живо в памяти, как сегодня у вас в саду. Стоило мне закрыть глаза, как передо мной совершенно отчетливо и ясно, словно сбросив с себя последнюю скрывавшую ее завесу, предсталта эта божественная страна! Море и берег, гора и город, пестрая толпа на набережной и, наконец, изумительное зрелище беспорядочно мелькающих в воздухе золотых шаров. Мне почудилось, будто в ушах моих вновь звучит та же музыка, я услышал целый хорвод веселых мелодий, серьезных и шуточных, своих и чужих, одна за другой оживавших в моей памяти. И вдруг среди них зазвучал танцевальный напев на шесть восьмых, совершенно для меня новый. «Стоить! — подумал я. — Что это за мотив? Какая чертовски изящная вещица!» Я начинаю внимательно вслушиваться. «Вот так штука! Ведь это же Мазетто. А вот и Церлина!» — Он улыбнулся госпоже Моцарт, которая все поняла.

— Дело, — продолжал он, — заключается в следующем. В первом акте моей оперы не хватало коротенького несложного номера, дуэта и хора на сельской свадьбе. Два месяца назад, когда я дошел до этого места, мне не удалось сразу же найти ничего подходящего. Мне нужна была мелодия простая, по-детски наивная и в то же время через край брызжущая весельем, мелодия, напоминающая приколотый к девичьему поясу букет только что сорванных, перевязанных лентой цветов. Но, поскольку никогда не следует принуждать себя к чему-либо, тем более что подобные мелочи часто получаются как бы сами собой, я пока пропустил эту сцену и, будучи занят более серьезной работой, почти не вспоминал о ней. Сегодня в экипаже, перед самым въездом в деревню, мне случайно пришел на ум текст дуэта, но он не вызвал в моей душе никакого отклика, по крайней мере, так мне тогда показалось. И вот спустя час в беседке у фонтана мне удастся

поймать мотив, лучше и удачнее которого я ни при каких других обстоятельствах и ни в какое другое время не мог бы сочинить. Подчас в искусстве немалую роль играет случайность, однако подобной штуки со мной никогда еще не приключалось. Ведь моя мелодия точь-в-точь подходила под размер стиха; но не буду забегать вперед, в тот момент она лишь зарождалась, а пока что птенчик только высунул головку из яйца, и я тотчас же принялся помогать ему освободиться от скорлупы. Я живо представил себе танец Церлины, и зрелище это чудесным образом слилось в моем воображении с цветущим берегом Неаполитанского залива. Я слышал голоса жениха и невесты на фоне хора парней и девушек.

Тут Моцарт весело пропел начало песенки:

Giovinette, che fatte all' amore,
che fatte all' amore,
Non lasciate, che passi l' età,
che passi l' età, che passi l' età!
Se nel seno vi bulica il core,
vi bulica il core,
Il remedio vedete lo quá!
La la la! La la la!
Che piacer, che piacer, che sará!
Ah la la! Ah la la usf¹.

¹ О подруги, ловите мгновенье,
ловите мгновенье,
Отдавайте любви каждый час,
любви каждый час!
Если в сердце печаль и томленье,
печаль и томленье,
Вот лекарство, что вылечит вас.
Ля, ля, ля! Ля, ля, ля!
И блаженство наступит тотчас.
Тра ля ля! Тра ля ля! и т. д.

(Здесь и далее стихи даны в переводе В. Резниченко.)

Тем временем руки мои сотворили непоправимое зло. А Немезида уже подстерегала меня за изгородью и теперь предстала передо мной в образе чудища, облаченного в синюю ливрею с галунами. Если бы в тот божественный вечер на берегу моря произошло извержение Везувия и черный дождь пепла внезапно засыпал и покрыл густой пеленой зрителей, актеров и все великолепие Партенопеи, клянусь богом, такая катастрофа была бы для меня менее неожиданной и страшной. Вот уж поистине сатана этот садовник! Редко кому удавалось нагнать на меня такого страху! Лицо у него точно из камня высечено, — он чем-то напоминает грозного римского императора Тиберия. Если таков слуга, подумал я, когда он удалился, каков же должен быть господин? Признаюсь, однако, что я уже тогда, и не без основания, надеялся на заступничество дам. Ибо эта плутовка, моя женушка, несколько любопытная от природы, выведала у толстой хозяйки постоялого двора все, по ее мнению, наиболее интересное о членах графской семьи; я присутствовал при этом и узнал, таким образом, что...

Тут мадам Моцарт, не в силах удержаться, прервала его и самым настоятельным образом заверила, что распросами занимался не кто иной, как он сам; между супругами завязался шуточный спор, вызвавший веселый смех присутствующих.

— Будь по-твоему, — согласился в конце концов муж. — Короче говоря, мне довелось краем уха услышать что-то об очаровательной приемной дочери, теперь уже невесте, о том, что она очень хороша собой, к тому же воплощение доброты и поет, как ангел. — Per Dio!¹ —

¹ Бог мой (*итал.*),

подумал я. — Вот кто поможет тебе выпутаться из беды! Ты сей же час примешься за дело, запишешь, как сумеешь, песенку, объяснишь свою глупую выходку, рассказав все без утайки, — то-то будет смеху! Сказано — сделано! Времени у меня было достаточно, нашелся и листок чистой бумаги в зеленую линейку. И вот результат моих трудов! Я передаю в ваши прекрасные руки сочиненную экспромтом свадебную песню, если только вы сообразовите признать ее за таковую.

С этими словами он протянул Евгении через стол аккуратно исписанный нотными знаками листок; однако дядя опередил ее и, перехватив листок, воскликнул:

— Минуточку терпения, дитя мое!

По поданному дядюшкой знаку створки двери, ведущей в гостиную, широко распахнулись, и на пороге появилось несколько слуг, которые степенно и бесшумно внесли в залу и поставили на скамью, у противоположного конца стола, злополучное померанцевое деревце, а слева и справа от него два стройных маленьких мирта. Надпись на карточке, прикрепленной к стволу померанца, гласила, что деревце является собственностью невесты; под ним, на поросшей зеленым мхом земле, стояла покрытая салфеткой фарфоровая тарелка, на которой оказался разрезанный на две части апельсин; рядом с апельсином дядюшка, лукаво улыбаясь, положил автограф маэстро, что вызвало всеобщий восторг.

— Евгения, — сказала графиня, — вероятно, даже и не подозревает, что это за деревце? Она, видно, и впрямь не узнает своего старого любимца теперь, когда он снова покрылся листвою и усыпан плодами.

Измученная девушка недоверчиво поглядывала то на деревце, то на своего дядюшку.

— Это невероятно, — сказала она. — Я хорошо знаю, что его невозможно было спасти.

— Значит, ты считаешь, — возразил ей дядя, — что мы просто подменили его? Нечего сказать, превосходная мысль! Ты только взгляни сюда, — видно, мне придется убеждать тебя, как сие принято на театре, где пропавших без вести сыновей и братьев опознают по родинкам и шрамам. Посмотри на нарост и на трещину, проходящую вдоль ствола, ты их видела, наверное, раз сто. Ну как, то это дерево или нет?

Все сомнения Евгении окончательно рассеялись, ее удивлению, радости не было предела.

В графской семье с этим деревцем были связаны воспоминания о замечательной женщине, жившей более ста лет тому назад и вполне заслуживающей, чтобы о ней здесь было сказано хотя бы несколько слов.

Дедушка старого графа снискал себе добрую славу на дипломатическом поприще благодаря услугам, оказанным им венскому кабинету, и удостоился доверия двух государей; не менее счастлив он был и в личной жизни, обладая столь превосходной супругой, как Рената Леонора. Она не раз бывала во Франции, что позволяло ей появляться при блестящем дворе Людовика XIV и встречаться с наиболее выдающимися людьми той удивительной эпохи. Принимая самое непосредственное участие в бурном вихре изощренных светских развлечений, она ни разу ни словом, ни делом не посрамила врожденной немецкой добропорядочности и строгой нравственности, которая нашла свое отражение в энергичных чертах ее лица, запечатленных на сохранившемся портрете. В силу такого образа мыслей графиня составляла в светском обществе своеобразную и несколько наивную оппозицию. Оставшаяся после нее переписка хранит немало свидетельств

прямодушия, смелости и находчивости, которые позволяли этой оригинальной женщине, — заходила ли речь о религии, литературе, политике, да и вообще о чем бы то ни было, — отстаивать свои здоровые принципы и взгляды и безжалостно критиковать недостатки высшего света, в то же время нисколько не докучая ему. Живой интерес графини ко всем тем, кого можно было встретить в доме некой Нинон, представлявшем собой подлинный очаг самой утонченной духовной культуры, проявлялся в такой форме, что нисколько не препятствовал ее возвышенной дружбе с одной из благороднейших дам того времени, госпожой де Севинье. После смерти графини в шкафчике из черного дерева, наряду с адресованными ей смелыми шутками Шапеля, собственноручно написанными поэтом на листках, обрамленных гирляндой из серебряных цветов, были найдены преисполненные нежности письма маркизы и ее дочери к верной австрийской подруге.

Именно из рук госпожи де Севинье и получила она во время одного из празднеств в Трианоне на садовой террасе цветущую ветку померанца, которую тут же наудачу посадила в цветочный горшок, и, поскольку ветка благополучно принялась, она увезла ее в Германию.

Добрых двадцать пять лет деревце росло и набиралось сил на глазах у графини, а после ее смерти его стали делеять и холить ее дети и внуки. Оно представляло ценность не только само по себе, но и как бы являлось одновременно живым символом утонченной прелести той почти что обожествлявшейся эпохи, в которой мы ныне находим не так-то уж много поистине достойного восхваления, эпохи, которая к тому времени, когда происходила наша безобидная история, уже таила в себе зачат-

ки рокового будущего, впоследствии потрясшего весь мир.

Евгения с особой любовью относилась к наследию почтенной прародительницы, поэтому дядюшка не раз говаривал, что когда-нибудь оно перейдет в полную ее собственность. Тем более прискорбно ей было узнать, что во время ее отсутствия, весной прошлого года, деревце начало чахнуть: листья его пожелтели, и многие ветви засохли. Поскольку причину этого медленного увядания найти не удавалось и ни одно из примененных средств не помогало, садовник решил, что дерево погибло, хотя, согласно законам природы, оно могло бы прожить в два-три раза дольше. Однако граф, посоветовавшись с проживавшим по соседству садоводом, велел поставить деревце в отдельное помещение и в полной тайне лечить его одним из тех особых, даже загадочных, способов, которые бывают известны только деревенскому люду; и вот надежде графа преподнести в один прекрасный день любимой племяннице ее старого друга, вновь обретшего силы и усыпанного плодами, сверх всяких ожиданий суждено было осуществиться. Еле сдерживая нетерпение и беспокоясь, удастся ли сохранить столь длительное время на ветках плоды, многие из которых под конец совсем созрели, он все же решил отложить на несколько недель вручение подарка, приурочив его к сегодняшнему торжеству; поэтому нет надобности описывать состояние, в которое пришел добрый старик, узнав, что в последнюю минуту какой-то незнакомец расстроил его радужные планы.

Еще до того как гости были приглашены к столу, лейтенант сумел улучшить время, чтобы переписать набело свой поэтический опус, посвященный предстоящему торжественному вручению подарка, и, переделав конец до-

толе, пожалуй, слишком уж серьезных стихов, по возможности приспособить их к происшедшим событиям. И вот теперь, достав листок и повернувшись к кухне, он стал читать свое произведение. Содержание его вкратце заключалось в следующем.

В древности на одном из островов крайнего Запада, мать Земля взрастила в саду богини Юноны свадебный для нее подарок — волшебное дерево Гесперид, охранявшееся тремя нимфами; потомок сего прославленного дерева с давних пор мечтал и страстно надеялся, что и ему уготована такая же судьба, ибо обычай одаривать прекрасную невесту подобного рода подарками издревле перешел от богов к смертным.

После долгих и тщетных ожиданий он находит наконец достойную деву, на которую обращает свои взоры. Она благоволит к нему и часто его посещает. Однако любимец муз, гордый лавр, растущий рядом с ним на берегу водоема, возбуждая его ревность, грозит завладеть мыслями этой наделенной умом и талантами красавицы и открыть ее сердце для любви мужей. Напрасно мирт пытается его утешить и на своем примере научить долготерпению: длительное отсутствие любимой усугубляет его страдания, он чахнет и после непродолжительной болезни умирает.

Летом беглянка возвращается в родные края, и сердце ее трепещет в ожидании любви! Деревня, замок, сад — все радостно встречает ее. Розы и лилии в пышном цвету восхищенно и стыдливо обращают к ней свои взоры, кусты и деревья восторженно приветствуют свою любимицу. И только для одного из них — ах! для самого благородного — она вернулась слишком поздно. Горестно взирает она на его засохшую крону, ее пальцы скользят по

безжизненному стволу и нежно касаются хрупких концов ветвей. Никогда больше не увидит и не узнает он своей покровительницы. Как она рыдает, как трогательны ее мольбы и безутешны страдания!

Издали услышал Аполлон голос дочери своей. Он спешит к ней и, подойдя ближе, взирает на ее горе, исполненный сострадания. Потом касается дерева своей всеисцеляющей дланью, и по стволу внезапно проходит дрожь, иссякшие были соки устремляются к ветвям; вот уже начинает пробиваться молодая листва, распускаются белые цветы, наполняя воздух божественным ароматом. На ветвях — ибо есть ли что невозможное для богов? — появляются прекрасные, округлые плоды; их девять, по числу сестер-муз; они растут и наливаются, постепенно сменяя зеленый цвет отрочества на ярко-золотой цвет юности. Стихотворение заканчивалось следующими строками:

От соблазна бог эллинов
Удержаться не сумел,
И прекрасных апельсинов
Он отведать захотел.
И сказал, срывая с древа
Спелый и душистый плод:
— Вот тебе кусочек, дева,
И тебе кусок, Эрот.

Поэт заслужил единодушное одобрение, и ему охотно простили несколько неожиданный конец, нарушивший общее впечатление от стихов, в целом проникнутых глубиной и искренним чувством.

Франциска, которой то хозяин дома, то Моцарт уже не раз давали повод проявить присущее ей неистощимое остроумие, вдруг выбежала из комнаты, будто внезапно вспомнив о чем-то, и вскоре вернулась, держа в руках очень большую английскую гравюру коричневого тона,

дотоле неприметно висевшую в рамке под стеклом в одной из отдаленных комнат замка.

— Должно быть, недаром говорят, — воскликнула она, поставив картину в конце стола, — что нового под луной ничего не бывает! Здесь вы видите сцену, происходившую в Золотом веке, а разве сегодня у нас здесь не приключилось нечто подобное? Я надеюсь, что наш Аполлон без труда узнает себя в этой ситуации.

— Чудесно! — восторженно поддержал ее Макс. — Вот он, прекрасный бог, в задумчивости склонившийся над священным источником. И мало того — посмотрите-ка, там, в кустах, за ним следит старый Сатир! Бьюсь об заклад, что в этот миг Аполлон вспоминает давно забытый аркадский танец, которому в детстве обучал его подцитру старик Хирон.

— Правильно. Так оно и есть! — захолопала в ладоши Франциска, стоявшая за спиной Моцарта. — А вы заметили, — продолжала она, обращаясь к маэстро, — отягощенную плодами ветвь, склонившуюся к прекрасному богу?

— Совершенно верно; это посвященное ему оливковое дерево.

— Ничего подобного! Это чудесные апельсины. Сейчас он сорвет один из них по рассеянности.

— Более того! — воскликнул Моцарт. — Сейчас он закроет сей озорной ротик тысячей поцелуев.

С этими словами он поймал Франциску за руку и поклялся не отпускать до тех пор, пока она не даст поцеловать себя в губы, на что та без особого сопротивления согласилась.

— Макс, объясни нам, — сказала графиня, — что здесь написано под картиной?

— Стихи из знаменитой оды Горация. Недавно берлип-

ский поэт Раммлер превосходно перевел ее на немецкий язык. Сия ода проникнута необычайной силой. Как прекрасно, например, вот это место:

...Бог Аполлон, неразлучен с луком;
Кудрям дав волю, моет их влагой он
Кастальской чистой; любит он в рощах жить
Ликийских иль в лесу родимом,
В храме на Дёлосе иль в Патарах¹.

— Чудесно! Действительно чудесно! — сказал граф.— Только кое в чем здесь требуются пояснения. Например, «неразлучный с луком» означает просто-напросто, что Аполлон всю жизнь был одним из усерднейших скрипачей. Однако мне хотелось бы предупредить вас, дорогой Моцарт, вы сеете раздор меж двух любящих сердец.

— Надеюсь, что нет. Да и чем же?

— Евгения завидует своей подруге, и не без основания.

— Ах так, вы уже подметили мою слабую струнку. Но что скажет на это жених?

— Раз-другой я, пожалуй, готов посмотреть сквозь пальцы.

— Прекрасно! При случае воспользуемся. Однако, господин барон, до тех пор, пока Аполлон не надумает ссудить мне свое лицо и свои длинные волосы соломенного цвета, вам нечего опасаться. Мне очень хотелось бы, чтобы он это сделал! Он тут же получил бы взамен косячку Моцарта с самым красивым бантиком.

— В таком случае, — смеясь, заметила Франциска, — Аполлону немало хлопот доставило бы мытье волос, при-

¹ Гораций, Полн. собр. соч., «Academia», М. — Л. 1936, кн. III, 4.

чесанных на французский манер, «влагой кастальской чистой».

Подобного рода шутки еще больше возбуждали веселье и поднимали настроение собравшихся. Постепенно на мужчинах стало сказываться действие вина, за здоровье присутствующих было поднято немало бокалов, и Моцарт, следуя своей давней привычке, начал говорить стихами, в чем достойным партнером ему оказался лейтенант, да и сам папенька не пожелал отстать; несколько раз стихи удавались ему на славу. Но такие импровизации вряд ли поддаются пересказу, их, в сущности, невозможно повторить, ибо при передаче теряется все то, что делает их неотразимыми в момент исполнения: общее приподнятое настроение, яркость и эмоциональность живой речи, выразительность мимики.

Вставила свое слово и незамужняя тетушка Франциски, провозгласившая в честь маэстро тост, в котором пророчила ему еще великое множество бессмертных произведений.

— *A la bonne heure!*¹ Я не прочь! — воскликнул Моцарт и, подняв бокал, звонко чокнулся со своей соседкой.

После этого в порыве вдохновения граф громким и весьма уверенным голосом запел:

Помоги, о провиденье,
Вдохнови на сочиненье
Звуков новых и прелестных,
Нам пока что неизвестных.

Макс (*подхватывая*)

Шиканедер поразится,
И Дапонте удивится,

¹ Да будет так (*франц.*).

Моцарт

Эти звуки услышав,
Изумлюсь и сам я, граф.

Граф.

Их услышать я желаю
Бонбоньери ¹-негодяю,
Если только наш синьор
Доживет до этих пор.

Макс

Я даю ему сто лет.

Моцарт

Все равно надежды нет.

Все трое
(con forza ²)

Ведь его до той поры
Черт возьмет в тартарары.

Терцет, случайно сочиненный благодаря безудержной тяге графа к пению, превратился под конец, после повторения последних четырех строк, в так называемый заключительный канон, и почтенная тетушка, обладая достаточным чувством юмора, а быть может, и самонадеянностью, почла своим долгом присоединить к голосам мужчин и свое дребезжащее сопрано, украсив мелодию всевозможными фиоритурами. Моцарт пообещал присутствующим обработать для них на досуге эту шуточную песенку по

¹ Так Моцарт называл в кругу друзей своего коллегу Сальери, который беспрестанно ел сладости; кроме того, в этом прозвище заключен намек на хрупкое телосложение Сальери.

² С силой (*итал.*).

всем правилам искусства, что и было сделано им по возвращении в Вену.

Тем временем Евгения успела втихомолку ознакомиться с полученным ею в дар шедевром, сочиненным в беседке грозного Тиберия; и теперь все потребовали, чтобы она вместе с композитором исполнила дуэт, а дядя был счастлив, что, подпевая им, вновь сумеет блеснуть своим голосом. Итак, все поднялись с мест и направились в соседнюю большую залу, где стояло фортепьяно.

Замечательное сочинение совершенно всех очаровало, но само его содержание вскоре вызвало новый прилив неудержимого веселья, когда музыка, как таковая, начинает играть лишь подчиненную роль, и не кто иной, как наш друг, первым подал пример — он вскочил из-за фортепьяно, направился к Франциске и пригласил ее на шлейфер, между тем как Макс с готовностью взялся за скрипку. Хозяин дома с радостью пригласил госпожу Моцарт. Расторопные слуги в одно мгновение вынесли из комнаты всю негромоздкую мебель, чтобы освободить место для танцев. Постепенно в них приняли участие все без исключения, и старая тетюшка ничуть не обиделась, когда галантный лейтенант пригласил ее на менуэт, танцуя который, она, казалось, вновь помолодела. В заключительном танце дамой Моцарта была сама невеста, и, не преминув воспользоваться предоставленным ему правом, он запечатлел поцелуй на ее прелестных устах.

Наступил вечер, солнце близилось к закату, и только теперь пребывание на воздухе обещало быть приятным. Поэтому графиня предложила дамам посидеть в саду. А мужчин граф пригласил в бильярдную, ибо Моцарт, как известно, очень любил эту игру. Итак, общество разделилось на две группы. Что касается нас, то мы последуем за дамами.

Пройдя не спеша несколько раз по главной аллее, они поднялись на круглый холм, наполовину обнесенный высокой, увитой виноградом решеткой; отсюда видны были поле, деревня и проезжая дорога. Последние лучи осеннего солнца, пробиваясь сквозь листву винограда, бросали на землю красноватые блики.

— Не правда ли, мы могли бы здесь уютно посидеть, — сказала графиня, — если к тому же мадам Моцарт согласится рассказать нам что-нибудь о себе и своем супруге.

Та охотно выразила готовность, и все удобно расселись на сдвинутых в кружок стульях.

— Историю, что я хочу предложить вашему вниманию, вам рано или поздно все равно пришлось бы услышать в связи с задуманной мною шуткой — несколько необычным свадебным презентом, который я намерена преподнести невесте на добрую память о сегодняшнем дне. Мой подарок не предмет роскоши, не какая-нибудь модная вещица и представляет некоторый интерес только благодаря своей истории.

— Что бы это могло быть, Евгения? — заинтересовалась Франциска. — По всей вероятности, чернильница великого человека?

— Вы почти угадали! Не пройдет и часа, как вы увидите сей предмет; а пока сокровище надежно упрятано на дне дорожного сундука. Итак, я приступаю к рассказу и, с вашего позволения, начну его издалека.

Позапрошлой зимой здоровье Моцарта — его чрезмерная раздражительность, частые приступы меланхолии и лихорадочное возбуждение — стало внушать мне тревогу. Если в обществе он иногда еще бывал весел, подчас даже неестественно весел, то дома становился обычно мрачным и замкнутым, беспрестанно вздыхал и жаловался. Врач

предписал ему диету, загородные прогулки и Пирмонтские воды. Пациент не придавал особого значения полезным советам: лечение было связано с неудобствами, отнимало много времени и нарушало привычный распорядок дня. Тогда доктор решил припугнуть его и заставил выслушать пространную лекцию о свойствах человеческого организма, красных кровяных шариках, об органах дыхания и всяких неслыханных вещах, вроде флогистона, а также о режиме, предписанном нам природой в отношении еды, питья и пищеварения. Обо всем этом у Моцарта доселе были такие же наивные представления, как и у его пятилетнего сына. Лекция действительно произвела довольно сильное впечатление. Не прошло и полчаса после ухода доктора, как я, зайдя в комнату мужа, увидела, что он задумчиво, но с заметно повеселевшим лицом разглядывает трость, которую после непродолжительных поисков благополучно нашел в шкафу, где хранились старые вещи; я и не предполагала, что он помнит о ее существовании. Эта красивая трость с набалдашником из ляпис-лазури принадлежала еще моему отцу. До сего времени мне никогда не приходилось видеть в руках Моцарта палки, поэтому я рассмеялась.

— Ты видишь, — воскликнул он, — я готов лечиться самым усердным образом. Я буду пить целебную воду и совершать каждый день моцион, пользуясь при этом сим посохом. И вот какие мысли пришли мне вдруг в голову. Ведь не случайно, подумал я, все степенные, солидные люди без палки и шагу ступить не могут. Наш сосед, коммерции советник, отправляясь в гости к своему куму, что живет напротив, никогда не перейдет улицы, не захватив с собой палки. Когда ремесленники и чиновники, канцеляристы, лавочники и их клиенты совершают по воскресеньям вместе с семьями прогулки за город, каж-

дый из них берет с собой свою надежную, хорошо послужившую ему трость. Я часто вижу, как на площади святого Стефана, примерно за четверть часа до начала богослужения в церкви и занятий в присутствиях, почтенные горожане, собравшись группами, беседуют друг с другом; именно здесь можно увидеть, что прочной и надежной опорой каждой из скромных их добродетелей — исполнительности и любви к порядку, невозмутимого спокойствия и довольства своей судьбой — служат добротные палки. Одним словом, в этой патриархальной и несколько безвкусной привычке кроется некое благо и своего рода утешение. Верить ли, я не дождусь той минуты, когда вместе со своим добрым другом отправлюсь в первый оздоровительный променад и, пройдя по мосту, устремлюсь к Реннвегу! Мы уже познакомились, и я надеюсь, что наш союз заключен навеки.

— Однако союз этот оказался недолговечным; после третьей совместной прогулки Моцарт вернулся без своего спутника. Он обзавелся новой тростью, которая несколько дольше хранила ему верность; во всяком случае, добрую часть того упорства, с которым Моцарт в течение трех недель довольно сносно выполнял предписания врача, я приписывала его пристрастию к палкам. Хорошие результаты не замедлили сказаться: нам редко случалось видеть его таким цветущим, жизнерадостным и спокойным. Вскорости, однако, он вновь осунулся, что доставило мне немало хлопот. Именно в ту пору, утомленный после напряженного дня работы, он отправился однажды в поздний час на музыкальный вечер ради каких-то любопытных приезжих, твердо пообещав мне пробыть там не более часа; но в подобных случаях, стоит ему только сесть за фортепьяно и увлечься игрой, люди начинают обычно злоупотреблять его мягкосердечием; а

он напоминает тогда человека, парящего на воздушном шаре братьев Монгольфье на высоте шести миль над землей, там, где уже не слышен звон колоколов. Дважды я посылала за ним ночью слугу — тщетно; он не смог пробраться к своему господину. В три часа ночи мой благоверный вернулся наконец домой. Я решила весь день самым серьезным образом дуться на него.

Здесь госпожа Моцарт обошла молчанием кое-какие обстоятельства. Надобно сказать, что на вечере должна была присутствовать одна молодая певица, синьора Малерби, которая не без основания навлекла на себя неудовольствие госпожи Констанции. Эта римлянка была принята в оперу по протекции Моцарта, и его благосклонность к ней, несомненно, в немалой степени объяснялась ее искусным кокетством. Поговаривали даже, будто она сумела завлечь его на несколько месяцев в свои сети и заставила изрядно помучиться. Но, независимо от того, правдивы ли были эти слухи или же сильно преувеличены, доподлинно известно, что в дальнейшем она проявила дерзость и неблагодарность и даже позволила себе насмеяться над своим благодетелем. Поэтому не приходится удивляться, что в разговоре с одним из своих более удачливых поклонников она назвала однажды Моцарта un piccolo grifo gaso (бритым свиным рыльцем). Это сравнение, достойное Цирцеи, было тем более обидным, что содержало, в чем нельзя не признаться, крупицу истины¹.

¹ Имеется в виду небольшая гравюра превосходной работы, изображающая композитора в профиль и помещенная на титульном листе одного из фортепьянных сочинений Моцарта; из всех портретов Моцарта, включая и те, что недавно появились в продаже, эта гравюра, несомненно, отличается наибольшим сходством с оригиналом.

По пути домой с упомянутого вечера, на котором, впрочем, певичы по счастливой случайности не было, один из друзей маэстро, будучи под хмельком, разболтался и допустил бестактность, передав ему эту злую шутку, что сильно расстроило Моцарта, ибо явилось первым непреложным доказательством бессердечия его подопечной. Крайне возмущенный, он даже не сразу заметил, как холодно приняла его уже лежавшая в постели жена. Не медля ни минуты, он поведал ей о панесенном ему оскорблении; подобное чистосердечие позволяет предположить, что проступок его был не столь уж велик. Моцарт чуть было не вызвал у жены чувства жалости. Однако она и виду не подала, так как не хотела, чтобы эта история легко сошла ему с рук. И когда он, после полудня, пробудился от тяжелого сна, его женушки и обоих сыновей дома не оказалось, а стол был аккуратно накрыт для него одного.

Мало что делало Моцарта таким несчастным, как размолвки с его дражайшей половиной. И если бы он ко всему еще знал, какая новая забота вот уже несколько дней точила ее душу!

То была одна из тех тягостных забот, которые она по старой привычке старалась как можно дольше скрывать от него. Наличные деньги были на исходе, а на пополнение кошелька в ближайшем будущем не было никаких надежд. Ничего не ведая об этих домашних затруднениях, Моцарт все же ощущал какую-то тяжесть на душе, сходную со знакомым ему чувством полной беспомощности. Он не хотел есть, ему не сиделось на месте. Быстро одевшись, он решил поскорее выбраться из душливой атмосферы собственного дома. Уходя, он написал по-итальянски несколько строк:

«Ты мне жестоко отомстила, и поделом. Но перестань

сердиться, прошу тебя, и улыбнись, когда я вернусь. У меня такое настроение, будто я собираюсь стать картезианским монахом или траппистом, — право, я готов ревя реветь».

Затем он надел шляпу и вышел, но палки с собой не захватил: время ее миновало.

Если мы до сих пор, сменив госпожу Констанцию, сами вели повествование, то нам не составит труда продолжить его и дальше.

Выйдя из дома — был теплый, несколько пасмурный летний день — и свернув у Шранны направо, в сторону цейхгауза, ее дражайший супруг в задумчивости побрел по так называемому Хофу, миновал приходскую церковь Богоматери и вышел к Шоттенским воротам, где поднялся на Мелькерский бастион, избежав, таким образом, встреч с многочисленными знакомыми, возвращавшимися в это время в город. Хотя часовой, молча шагавший у пушек, и не докучал ему, Моцарт недолго любовался чудесным видом, который открывался отсюда на зеленую равнину, что расстилалась перед крепостным валом, и на предместья, тянувшиеся до Каленберга и к югу до Штирийских Альп. Безмятежный покой природы не гармонировал с его душевным состоянием. Глубоко вздохнув, он бесцельно побрел дальше, пересек эспланаду и очутился в Альзском предместье.

Здесь в самом конце Верингова проулка стоял трактир с кегельбаном, владелец коего, канатных дел мастер, славился своим хорошим товаром и добрым вином как среди соседей, так и среди крестьян, что заглядывали к нему по пути в город. Еще издали до прохожих доносился стук шаров; в остальном здесь было довольно тихо и спокойно, ибо число посетителей не превышало десяти — двенадцати. Почти бессознательная потребность забыться

в кругу непритязательных, безыскусных людей побудила композитора зайти в трактир. Он подсел к старшему колодезному мастеру из Вены и двум другим городским обывателям, сидевшим за столом в скудной тени деревьев, попросил кружку пива и принял живое участие в их будничной беседе, время от времени вставая из-за стола, чтобы поразмяться или понаблюдать за игрой в кегли.

Неподалеку от кегельбана, рядом с домом, находилась лавка канатчика — узкое помещение, битком набитое товарами, ибо помимо изделий самого хозяина здесь повсюду были развешаны и расставлены предназначенные для продажи сельскохозяйственные орудия, всякого рода деревянная кухонная утварь и предметы домашнего обихода, а также бочки с дегтем и колесной мазью, мешки с семенами, укропом и тмином. Молодая девушка, что прислуживала гостям в трактире, а заодно торговала и в лавке, была занята в этот раз с крестьянином, который, держа за руку своего сынишку, подошел, чтобы сделать кое-какие покупки — приобрести меру для фруктов, щетку и кнут. Из множества изделий он выбирал какое-нибудь одно, рассматривал его и откладывал в сторону, затем брал второе, третье и в нерешительности вновь возвращался к первому; этому, видно, не было конца. Девушка несколько раз отлучалась в трактир, чтобы обслужить посетителей, но снова возвращалась и всячески старалась помочь крестьянину и облегчить ему выбор, не проявляя, однако, излишней болтливости.

Сидя на скамеечке подле кегельбана, Моцарт наблюдал за всем этим с нескрываемым удовольствием. Ему нравились предупредительность и разумное поведение девушки, спокойное, серьезное выражение ее миловидного лица, но все же сейчас его больше занимал крестьянин, который, вполне удовлетворенный своими покупками,

отправился наконец восвояси. Моцарт поставил себя на место этого человека, целиком завладевшего его воображением; понял, насколько серьезное значение имело для него столь пустячное дело, ту опаску и дотошность, с которой он прикидывал цены, хотя мог выгадать всего лишь несколько крейцеров. И вот, думал Моцарт, придет этот человек домой, к жене, и с гордостью расскажет ей о своей удачной покупке, а дети ждут не дождутся, когда он развяжет свой мешок, в котором, конечно, и для них кое-что найдется; жена поспешит подать ему еду и молодое домашнее вино, а уж на отсутствие аппетита он едва ли может пожаловаться.

Кому еще дано такое счастье, кто еще может быть столь независимым от окружающих! Разве не замечательно жить, уповая лишь на природу и ее дары, каким бы трудом они ни доставались!

А если мне, посвятившему себя искусству, судьбой предначертана иная деятельность, которую я, кстати сказать, не променял бы ни на какую другую в мире, то почему я должен жить в условиях, ничего общего не имеющих с таким скромным и безмятежным существованием? Будь у меня маленькая усадьба, домик неподалеку от деревни, в красивом живописном уголке, вот тогда бы я действительно ожил! Все утро проводил бы в работе над партитурами, а остальное время отдавал бы семье, сажал деревья, осматривал свои поля, а осенью вместе с сыновьями снимал урожай яблок и груш; изредка ездил бы в город, чтобы пойти в театр или по каким-либо делам, иногда принимал бы у себя одного или нескольких друзей — вот было бы блаженство! Но, впрочем, как знать, что мне еще на роду написано.

Он подошел к лавке, приветливо поговорил с девушкой и принялся внимательно рассматривать товар. Боль-

шая часть разложенных здесь предметов как нельзя лучше подходила к той идиллической картине, которую он создал в своем воображении, к тому же ему нравилась их чистота, светлая окраска, гладкая поверхность и даже самый запах дерева. Ему вдруг пришло в голову выбрать здесь для жены что-нибудь, что, по его мнению, доставило бы ей удовольствие и в то же время принесло пользу. Прежде всего внимание его привлек набор садовых инструментов. Дело в том, что когда-то Констанция по совету мужа арендовала небольшой участок земли у Кернтнерских ворот, где посадила немного овощей, поэтому он решил первым делом купить грабли, одни побольше, другие поменьше, и лопату. Что касается дальнейших покупок, то следует отдать должное хозяйской расчетливости Моцарта, заставившей его, хотя и неохотно, отказаться после непродолжительного колебания от весело посматривавшей на него весьма аппетитной на вид маслoбойки; зато перед высокой посудиною неизвестного назначения с крышкoй и красивой резной ручкой он никак не мог устоять. Сосуд этот, составленный из узких полосок дерева попеременно то светлого, то темного цвета, расширялся книзу и был внутри превосходно просмолен. Но особенно большое впечатление произвел на него богатый выбор половников, вальков, досок для разделки и тарелок разной величины, показавшихся ему безусловно необходимыми для кухни, а также простейшей конструкции подвесной ящичек для соли.

Под конец он высмотрел простую палку, набалдашник которой был плотно обтянут кожей и обит круглыми медными гвоздями. Увидев, что для необычного покупателя и эта вещь являла собой, по-видимому, некоторый соблазн, девушка заметила с улыбкой, что подобного рода палка для господ не годится.

— Ты права, дитя мое, — ответил он. — Мне кажется, такие палки обычно берут в дорогу мясники; убери ее, она мне не нужна. А все остальное, что мы отобрали, ты сегодня либо завтра принесешь ко мне домой.

И он назвал ей свое имя и улицу, где жил. Затем вернулся к столу, за которым из трех его собеседников остался только жестянщик.

— Сегодня у кельнерши на редкость удачный день, — заметил тот. — Ее двоюродный брат дает ей по одному батцену с каждого вырученного в лавке гульдена.

Услышав это, Модарт вдвойне порадовался своим покупкам; но вскоре ему суждено было принять еще большее участие в судьбе этой девушки. Когда она снова оказалась поблизости, жестянщик окликнул ее:

— Как поживаешь, Кресченция? Что подельывает твой слесарь? Когда уж наконец он обзаведется собственной мастерской?

— Где там! — ответила она на бегу. — Сдается мне, что ключ от той мастерской запрятан где-то в горах за тридевять земель.

— Славная девчушка, — сказал жестянщик. — Она много лет вела хозяйство своего отчима и ухаживала за ним во время болезни, а когда тот помер, оказалось, что он проел все ее деньги; вот она и пошла в услужение к родственнику, выполняет всю работу в лавке и трактире да еще за ребятишками присматривает. Она дружит с одним хорошим парнем и не прочь поскорее выйти за него замуж, но есть тут одна загвоздка.

— Какая же? Видно, и у него нет денег?

— Оба они скопили кое-что, но этого маловато. Скоро с публичных торгов должны продавать полдома с мастерской; канатному мастеру ничего не стоило бы ссудить им недостающие деньги, да ему, конечно, неохота отпускать

девку. У него в ратуше и ремесленном цехе немало добрых дружков, вот они и чинят парню во всем препятствия.

— Проклятье! — вскипел Моцарт, да так, что его собеседник испуганно оглянулся, не подслушивает ли их кто-нибудь. — И неужели нет никого, кто замолвил бы слово в защиту справедливости, кто пригрозил бы этим господам? Негодяи! Погодите, рано или поздно вас еще проучат!

Жестящик сидел как на горячих углях. Он сделал неуклюжую попытку смягчить сказанное и взять свои слова обратно. Но Моцарт не стал его слушать.

— Постыдились бы нести такую чепуху! Вместо того чтобы вступить за человека, вы, подлецы, всякий раз поровите в кусты спрятаться.

С этими словами он повернулся спиной к не на шутку струхнувшему собеседнику и, не попрощавшись, направился к выходу. Кельнерше, у которой с новыми посетителями хлопот было по горло, он шепнул на ходу:

— Не опаздывай завтра и передай от меня привет своему дружку; я надеюсь, что ваше дело уладится.

Та смутилась и не успела, да и не осмелилась поблагодарить его.

Быстрее, чем обычно, — ибо история эта несколько взволновала его, — он зашагал сперва той же дорогой, по которой пришел, но, дойдя до насыпи, сбавил шаг и двинулся в обход, сделав большой крюк вдоль крепостного вала. Поглощенный мыслями о судьбе бедных влюбленных, он перебрал в памяти всех своих знакомых и покровителей, которые могли бы им так или иначе помочь. Но, прежде чем предпринять что-нибудь, ему необходимо было подробно разузнать все у самой девушки, а посему он решил спокойно ее дожидаться и, забегая впе-

ред нетерпеливой мыслью, видел себя уже дома, подле жены.

В душе он твердо рассчитывал на ласковую и даже радостную встречу с поцелуями и объятиями еще на пороге и, предвкушая такой прием, ускорил шаги, подходя к Кернтнерским воротам. Неподалеку от них его окликнул почтальон и передал ему небольшой, но, довольно увесистый пакет, надписанный, как он тотчас же определил, рукой человека порядочного и аккуратного. Моцарт зашел с письмоносомцем в ближайшую лавку, чтобы дать ему расписку; затем, снова оказавшись на улице, он не смог дожидаться, пока доберется до дому; сорвав печать, он на ходу, изредка останавливаясь, быстро пробежал глазами письмо.

— Я сидела у рабочего столика и шила, — продолжала тут рассказ, обращаясь к дамам, госпожа Моцарт, — когда услышала, что муж мой поднялся по лестнице и спрашивает у слуги, где я. Шаги его и голос показались мне более уверенными и бодрыми, чем я того ожидала и чем мне, по правде говоря, хотелось бы. Сначала он направился к себе в комнату, но тотчас же вышел оттуда ко мне. «Добрый вечер», — сказал он; я едва ответила ему, даже не подняв головы от шитья. Он несколько раз молча прошелся по комнате, затем с притворным зевком достал из-за двери хлопущку для мух, чего дотоле никогда не делал, и, пробормотав: «Откуда только берутся эти мухи?» — начал хлопать ею изо всех сил. Звук сей всегда был ему ненавистен, и поэтому мне ни в коем случае не разрешалось пользоваться хлопущкой в его присутствии. «Да, — подумала я, — когда делаешь что-нибудь сам, тебе все нипочем, — в особенности это относится к мужчинам».

Впрочем, я и не предполагала, что у нас так много мух. Его странное поведение все больше раздражало меня. «Шестерых одним махом! — воскликнул он. — Хочешь посмотреть?» Я не отвечала. Тогда он положил мне что-то на рабочий столик, да так, чтобы я могла увидеть даже не отрывая глаз от работы. Это было не что иное, как стопка золотых монет; столько дукатов, сколько можно захватить двумя пальцами. Он все еще продолжал свою игру за моей спиной, время от времени ударяя хлопущей и приговаривая: «Вот зловредные, бесполезные, наглые твари! И зачем только они существуют на свете?» Хлоп! «Очевидно, лишь для того, чтобы их убивали». Хлоп! «А это мне неплохо удается, смею вас заверить. Из естественной истории мы знаем, что эта нечисть удивительно быстро размножается». Хлоп! Хлоп! «В моем доме с ними умеют живо расправляться. А *maledette! disperate!*¹ — Вот и еще одна, теперь их уже двадцать. Они тебе нравятся?!»

Он подошел ко мне и повторил свою проделку. Если до сих пор я с трудом удерживалась от смеха, то теперь у меня не хватило больше сил и я расхохоталась. Он заключил меня в свои объятия, и мы оба стали хохотать до упаду!

— Но откуда у тебя эти деньги? — спросила я в то время, как он вытряхивал остаток их из свертка.

— От князя Эстергази! Через Гайдна! Прочитай-ка письмо.

Я стала читать:

«— Эйзенштадт и т. д.

Дражайший друг! Его светлость, мой милостивейший повелитель, к величайшему моему удовольствию, поручил

¹ Проклятые, окаянные (*итал.*).

мне переслать Вам прилагаемые при сем шестьдесят дукатов. Мы недавно снова исполняли ваши квартеты, и его светлость были весьма ими довольны и даже восхищены, чего я не мог бы сказать после первого их исполнения, три месяца назад. Князь заметил мне (сказанное им я привожу дословно): «Когда Моцарт посвятил вам эту работу, он полагал, что окажет тем самым уважение только вам, но, думаю, он не будет возражать, если я одновременно усмотрю в этом комплимент и по своему адресу. Скажите ему, что я почти такого же высокого мнения о его гении, как и вы сами, а большего ему уже нечего ожидать во веки веков». «Аминь!» — добавлю к этому и я. Итак, Вы довольны?

Postscriptum. На ушко Вашей милой супруге: «Позаботьтесь, пожалуйста, чтобы изъявление благодарности последовало как можно скорее. Лучше всего сделать это лично. Надо ковать железо, пока оно горячо».

— О ангел! О посланник небес! — беспрестанно повторял Моцарт, и трудно сказать, что его больше обрадовало — само ли письмо, похвала князя или же деньги. Что касается меня, то мне, откровенно говоря, именно в то время они пришлись весьма кстати. Мы очень весело провели этот вечер.

О приключении в предместье я так ничего и не узнала ни в тот день, ни позднее; прошла целая неделя, а Крещенция не появлялась, и мой муж, закрутившийся в водовороте дел, вскоре забыл о своей встрече. Как-то в субботу у нас собрались гости; капитан Вессельт, граф Хардег и еще несколько человек музицировали. Во время одного из перерывов меня вызывают в прихожую — и здесь меня ждет сюрприз! Я возвращаюсь в комнату и спрашиваю: «Ты заказывал в Альзском предместье какие-

нибудь деревянные изделия?» — «Тьфу пропасть! Конечно. Их, верно, девушка принесла? Так пусть войдет!» Тут она вошла в комнату, приветливая и жизнерадостная, держа в руках наполненную доверху корзину, лопату и грабли, извинилась, что так долго заставила себя ждать, — она забыла название улицы и только сегодня разыскала нас. Моцарт одну за другой брал у нее свои покупки и с гордостью передавал их мне. Я с искренней благодарностью принимала каждую вещь, все расхваливала и всем восхищалась, однако меня удивило, зачем он купил садовые инструменты. «Конечно же для твоего клочка земли на берегу Вены». — «Боже мой, но ведь мы давно отказались от него! Вода то и дело причиняла нам большой ущерб, да и вообще у нас ничего там не получалось. Я же говорила тебе об этом, и ты не возражал». — «Как? А спаржа, которую мы ели нынешней весной?» — «Всегда была с рынка». — «Смотри-ка, — заметил он, — если бы я только знал. Я ведь хвалил ее из вежливости, потому что мне жаль было тебя и твоих трудов; а эти жесткие палки напоминали мне стержни ощипанных перьев».

История сия очень развеселила наших гостей; мне тут же пришлось подарить некоторым из них на память те вещи, которые я сочла для себя ненужными. А когда Моцарт стал расспрашивать девушку о препятствиях, стоящих на пути к ее браку, и призывать к полной откровенности, заверив, что помощь ей и ее возлюбленному будет оказана с соблюдением тайны, тактично и без обвинений кого-либо, — она выказала такую скромность, чуткость и деликатность, что завоевала симпатии всех присутствующих, ее наконец отпустили, искренне пообещав оказать всяческое содействие.

— Этим людям следует помочь! — сказал капитан. — Уловки цеха еще полбеда, — я знаю человека, который быстро все уладит. Но необходимо собрать деньги, чтобы уплатить за дом, устройство мастерской и тому подобное. Что, если нам объявить концерт для друзей в Тратнерском зале с входной платой *ad libitum*?¹

Его предложение встретило живейший отклик. Один из гостей взял солонку и сказал:

— Вначале пусть кто-нибудь сделает обстоятельный исторический экскурс, расскажет о покупке господина Моцарта и его гуманных намерениях, а сию великолепную посудину мы поставим на стол вместо кружки для пожертвований, поместив слева и справа от нее в виде украшения скрещенные грабли.

Этого, правда, сделано не было, но концерт состоялся и дал довольно значительный сбор. Затем последовали пожертвования, так что в руках счастливой пары остался даже некоторый излишек, да и все остальные препятствия вскоре были устранены. Душеки, наши самые близкие друзья в Праге, у которых мы собираемся остановиться, прослышали об этой истории, и госпожа Душек, чрезвычайно милая и сердечная женщина, попросила курьеза ради уделить и ей что-нибудь из деревянных изделий; я отложила для нее наиболее подходящие вещи и, пользуясь случаем, взяла их с собой. Но здесь нам неожиданно довелось встретить родственную душу — страстную почитательницу муз, которая собирается в ближайшее время обзавестись собственным хозяйством, а посему едва ли откажется от предмета повседневного домашнего обихода, выбранного Моцартом; вот почему я хочу разделить свой подарок, и невесте предоставляется право вы-

¹ По желанию (лат.).

бора между искусно вырезанной мутовкой для шоколада и неоднократно уже упоминавшейся нами солонкой, которую художник, не щадя своих сил, украсил прелестным тюльпаном. Я, безусловно, посоветовала бы вам выбрать солонку; насколько мне известно, благородная соль — символ домовитости и хлебосольства, а мы от всей души желаем вам отличаться как тем, так и другим.

На этом госпожа Моцарт закончила свой рассказ. Можно себе представить, с каким интересом и веселым оживлением он был выслушан и воспринят дамами. Бурное веселье возобновилось, когда в одной из комнат верхнего этажа, в присутствии мужчин, на стол были выложены оба предмета и состоялось официальное вручение подарка, этого образца патриархальной безыскусственности, которому, по словам дядюшки, предстояло занять среди фамильного серебра как теперешней владелицы, так и ее самого отдаленного потомства не менее почетное место, чем то, что занимает прославленное творение флорентинского мастера в Амбразской коллекции.

Было уже около восьми часов; подали чай. И вскоре нашему музыканту весьма настойчиво напомнили о данном им еще за обедом обещании поближе познакомить собравшееся общество с «нечестивцем», надежно упрятым — к счастью, не слишком уж глубоко — в дорожном сундуке.

Моцарт без промедления согласился. Объяснение фавулы потребовало немного времени, затем он раскрыл нотную тетрадь — свечи на фортепьяно были уже зажжены.

Нам очень хотелось бы, чтобы наши читатели хоть на мгновение испытали то ни с чем не сравнимое чувство, которое нередко поражает нас подобно электрическому току и всецело захватывает, когда до слуха нашего из какого-нибудь окна доносится хотя бы отдельный от-

рывистый аккорд, который может раздаться лишь от-туда, чтобы мы ощутили хоть частицу того сладостного волнения, что охватывает нас в театре еще перед закрытым занавесом, когда оркестр настраивает инструменты. Разве это не так? Если, собираясь приобщиться к любому великому трагическому произведению искусства, независимо от того, называется ли оно «Макбетом», «Эдином» или как-то иначе, мы испытываем священный трепет перед непреходящей красотой, то где же, как не здесь, подобный трепет мог охватить нас с большей или хотя бы равной силой? Человек жаждет вознестись над собственным «я», хотя и боится этого, он чувствует, что перед ним сейчас раскроется бесконечность; сознание это теснит его грудь, одновременно наполняя ее таким неземным блаженством, что кажется, вот-вот разорвутся стесняющие оковы, и душа вырвется из брэнного тела. К подобному ощущению присоединяется и благоговение пред столь совершенным искусством; мысль о том, что ты наслаждаешься божественным чудом, что можешь воспринимать его, как нечто близкое тебе, порождает своего рода умиление, даже гордость собою, возможно, самую прекрасную и чистую, какую нам только дано испытать в жизни.

Хотя на долю наших героев, которым суждено было теперь впервые познакомиться с произведением, близким нам с юношеских лет, и выпало завидное счастье услышать оперу в исполнении самого автора, все же они находились в совершенно ином, причем гораздо менее благоприятном, чем мы, положении, ибо целостное и непосредственное восприятие этого произведения было для них, в сущности, невозможно, да и оставалось бы невозможным по многим соображениям, даже в том случае, если бы они могли прослушать его полностью, без всяких

сокращений. Из восемнадцати законченных и отделанных номеров¹ композитор сыграл, по-видимому, менее половины (в сообщении, положенном в основу данной повести, точно указан лишь последний номер из этого перечня, а именно секстет), к тому же исполнил их, очевидно, большей частью в вольной интерпретации и фортепьянном изложении, подпевая местами, там, где ему это представлялось нужным. Что касается жены Моцарта, то известно лишь, что она исполнила две арии. Судя по отзывам современников, у нее был не только сильный, но и приятный голос, а посему мы можем предполагать, что она спела первую арию донны Анны «Теперь все известно, убийцу нашли мы» и одну из двух арий Церлины.

Строго говоря, лишь Евгения и ее жених по своему интеллекту, своим взглядам и вкусам были желанными для маэстро слушателями, причем Евгения в гораздо большей степени, чем барон. Оба они сидели в глубине комнаты; она была настолько захвачена музыкой, что даже во время коротких перерывов, когда все остальные скромно выражали свое одобрение или же невольно выказывали восторженными возгласами глубокую взволнованность, она, неподвижная, как статуя, крайне односложно отвечала на обращенные к ней слова жениха.

После того как Моцарт закончил потрясающим по красоте секстетом, завязалась беседа, в ходе которой он с особым интересом и удовольствием выслушал отдельные замечания барона. Речь шла о финале оперы, а также о намеченном на начало ноября первом представлении ее, и когда кто-то заметил, что некоторые части финала потре-

¹ При этом следует иметь в виду, что арии Эльвиры с рецитативом и арии Лепорелло «Все понятно» первоначально в опере не было.

буют еще титанического труда, маэстро загадочно улыбнулся, а Констанция сказала, обращаясь к графине, но так, что он не мог этого не услышать: «У него есть еще кое-что *in petto*¹, что он держит в тайне даже от меня».

— Душа моя, — возразил Моцарт, — ты выходишь из своей роли, коль скоро заводишь подобный разговор; что, если у меня появится сейчас желание вновь сесть за фортепьяно? И в самом деле, мне просто не терпится.

— Лепорелло! — с живостью воскликнул граф, подзывая слугу. — Вина! Три бутылки Силлери.

— Нет, нет! На сегодня довольно, — мой повелитель не выпьет больше ни капли.

— Пусть пьет на здоровье, и да воздастся каждому по заслугам.

— Бог мой, что же я натворила, — заохала Констанция, бросив взгляд на часы. — Скоро одиннадцать, а нам завтра рано утром надо отправляться в путь, сумеем ли мы?

— Никоим образом не сумеете, драгоценнейшая, положительно никоим!

— Странные бывают иногда стечения обстоятельств, — заметил тут Моцарт. — Что скажет моя Станцль, если узнает, что отрывок, который она сейчас услышит, появился на свет в столь же поздний час и тоже накануне отъезда?

— Неужели? Когда же? Верно, три недели назад, когда ты собирался в Эйзенштадт?

— Правильно! А случилось это так. Я вернулся с обеда у судьи в одиннадцатом часу; ты уже крепко спала, и я хотел, как обещал, тоже поскорее лечь в постель, чтобы утром вовремя встать и не опоздать к отправлению почтовой кареты. Тем временем Файт, по обыкновению, за-

¹ В груди (*итал.*). Здесь: в душе.

жег свечи на письменном столе, я машинально надел халат, и мне пришло в голову быстро просмотреть ту часть работы, которую я намеревался выполнить еще в этот вечер. Но вот невезение! Проклятое, совершенно излишнее женское усердие. Ты все убрала, упаковала ноты, — их нужно было взять с собой, так как князь пожелал прослушать сей опус; я искал, ворчал, бранился, — напрасно! Тут взгляд мой упал на запечатанный конверт: письмо от аббата, судя по росчерку, с отвратительной закорючкой на конверте; и я действительно угадал! Он прислал мне после переработки остававшуюся у него часть текста, которую я рассчитывал увидеть не раньше, чем через месяц. Я тотчас же усаживаюсь, с любопытством читаю и прихожу в восторг от того, как хорошо этот старый хрыч сумел понять, что мне нужно. Все стало гораздо проще, лаконичнее и вместе с тем содержательнее. Как сильно выиграли во всех отношениях и сцена на кладбище, и финал, вплоть до гибели героя! (О, замечательный поэт, вторично сумевший подчинить себе небо и преисподнюю, ты не должен остаться без вознаграждения, подумал я.) Обычно мне не свойственно забегать вперед при композиции, как бы соблазнительно сие не казалось, — это дурная привычка, которая может иметь весьма плачевные последствия. Но бывают и исключения; короче говоря, сцена у конной статуи командора, когда из могилы раздается угроза убитого, резко обрывающая смех ночного гуляки, так что у того волосы на голове шевелятся от страха, сразу же завладела моим воображением. Я взял аккорд и почувствовал, что попал на верный путь, где меня уже поджидает целый легион ужасов, который я должен буду пустить в дело в финале. Сперва получилось адажио: *d moll*, только четыре такта; затем вторая фраза из пяти тактов, — и я уже живо представил себе,

как необычно зазвучит в театре голос, сопровождаемый мощнейшими духовыми инструментами. Вот послушайте-ка, если только я сумею здесь это передать.

Он тут же погасил свечи в обоих стоявших рядом с ним канделябрах, и среди мертвой тишины, воцарившейся в комнате, прозвучал грозный хорал «Смеяться кончишь ты этой же ночью». Словно бы из далеких звездных миров сквозь синий мрак ночи полились леденящие душу и тело звуки серебряных труб.

«Кто здесь? Отвечай?» — слышится голос Дон-Жуана. И вновь так же монотонно, как и прежде, раздается обращенный к молодому нечестивцу призыв не нарушать покоя мертвецов.

Когда в воздухе замерли последние отзвуки громовых аккордов, Моцарт снова заговорил:

— Тут уж я, разумеется, не мог остановиться. Стоит льду дать трещину в одном только месте у берега, как треск начинается по всему озеру, и слышится даже в самых отдаленных его уголках. Невольно я ухватился за ту же нить и дальше, в сцене ужина у Дон-Жуана, когда донна Эльвира только что удалилась и, следуя приглашению, появляется призрак. Вот послушайте.

Последовал длинный, наводящий ужас диалог, который даже самого хладнокровного слушателя подводит к границам человеческого разумения, а быть может, и заставляет преступить эти границы; мы как бы видим и слышим нечто сверхъестественное, и все наше существо начинает безвольно метаться от одной крайности к другой.

Уже отрешенный от человеческой речи, бессмертный дух усопшего все же снисходит еще раз до разговора. Как зловеще звучит его голос, будто поднимающийся и скатывающийся по ступеням незримой лестницы, когда,

вскоре после первого ледящего душу приветствия, мертвец отвергает предложенную ему земную пищу. Он требует немедленного покаяния: мало отмерено призраку времени; а путь его долог, о, как долог! И у кого не замирает сердце и не трепещет душа от восхищения и страха, когда охваченный смятением Дон-Жуан с чудовищным упорством восстает против незыблемых основ мироздания, вступает в борьбу с адскими силами, пытаясь сдерживать все возрастающий их натиск, сопротивляется, хитрит и, наконец, погибает, сохраняя все же в каждом движении свое полное превосходство?! При этом испытываешь примерно такое же ощущение, как при грандиозном зрелище разбушевавшейся стихии, при виде пожара, охватившего огромный корабль. Мы невольно как бы начинаем сочувствовать слепой, но величественной силе и, со скрежетом зубным, разделяем те страдания, которые ей приходится терпеть в ходе ее бурного самоуничтожения.

Композитор кончил. Некоторое время никто не решился первым нарушить молчание.

— Поведайте нам, — заговорила наконец графиня еще прерывающимся от волнения голосом, — поведайте нам, прошу вас, что вы чувствовали в ту ночь, после того как отложили в сторону перо?

Словно пробудившись от сладостных грез, Моцарт устремил на нее просветленный взгляд и, немного подумав, сказал, обращаясь то ли к графине, то ли к жене:

— Надо признаться, под конец у меня закружилась голова. Сидя у раскрытого окна, я в едином порыве написал это отчаянное *Dibattimento*¹ вплоть до хора призраков и, после непродолжительного отдыха, встал, наме-

¹ Спор (итал.). Здесь: борьба, схватка.

реваясь пойти к тебе, Констанция, чтобы немного поболтать с тобой и успокоиться. Как вдруг мелькнувшая у меня в голове сумасбродная мысль заставила меня остановиться посреди комнаты. — Тут он на мгновение опустил взор, а когда снова заговорил, в голосе его послышалось едва заметное волнение. — Я сказал себе: «Что, если ты умрешь этой ночью и тебе придется оставить свою партию в таком вот незаконченном виде: обретишь ли ты покой в могиле?» Не отрываясь смотрел я на фитиль свечи, которую держал в руках, и на наплывы стекавшего с нее капля за каплей воска. При этой мысли меня на какую-то долю секунды пронзила боль, потом я подумал: «Если впоследствии рано или поздно кому-нибудь другому, возможно, даже итальянцу, будет поручено закончить мою оперу, он найдет все в полном порядке, начиная с интродукции до номера семнадцать, за исключением одного отрывка, — ему останется только подобрать эти крепкие, спелые плоды, упавшие к его ногам в высокую траву; все же он будет немного побаиваться средней части финала, как вдруг нечаянно обнаружит, что эта тяжелая каменная глыба почти что убрана с дороги: вот уж потешится он втихомолку. Быть может, он попытается присвоить мои лавры. Однако он обожжет себе на этом пальцы: ведь как-никак у меня найдутся верные друзья, которые знают мой почерк и бесстрашно защитят мою собственность от подобных притязаний». Тут я обратил взгляд к небу и от всей души возблагодарил бога, а также твоего ангела-хранителя, милая женушка, который все это время так нежно держал руки над челом твоим, что ты спала, как сурок, и ни разу меня не окликнула. Но когда я наконец пришел к тебе и ты спросила, который час, я бойко солгал, сделав тебя на несколько часов моложе, потому что было уже около четырех. Теперь ты

поймешь, почему не могла поднять меня с постели в шесть часов и должна была отослать кучера, велев приехать ему на другой день.

— Разумеется, — воскликнула Констанция, — только не воображай, хитрец ты этакий, что я была настолько глупа и ничего не заметила. Из-за такой безделицы, право, не стоило скрывать от меня, что ты намного продвинулся в своей работе.

— Да я вовсе и не потому молчал.

— Знаю уж — ты боялся, как бы не сглазили твое сокровище.

— Я доволен хотя бы тем, — воскликнул тут добродушный хозяин дома, — что нам не придется завтра ранить в самое сердце какого-нибудь достойного представителя венского кучерского сословия, если господин Моцарт partout¹ не сможет вовремя подняться с постели. Ведь приказ «Ганс, распрягай лошадей» воспринимается ими всегда очень болезненно.

Эта косвенная просьба об отсрочке отъезда, настоятельно поддержанная всеми присутствующими, вынудила наших путешественников изложить чрезвычайно веские причины, побуждающие их отказаться от такого предложения; однако обе стороны охотно примирились на том, что супруги уедут не слишком рано и еще составят хозяевам приятную компанию за завтраком.

Некоторое время гости не расходились и продолжали болтать, разбившись на небольшие группы. Моцарт искал кого-то глазами, по всей вероятности невесту; но так как ее здесь в эту минуту не оказалось, он простодушно задал предназначавшийся ей вопрос стоявшей поблизости Франциске:

¹ Здесь: ни за что (франц.).

— Каково ваше мнение о нашем «Don Giovanni»? Что хорошего могли бы вы предсказать ему?

— Я постараюсь, — ответила та со смехом, — от имени моей кузины дать как можно лучший ответ. По моему неразумному мнению, «Don Giovanni» должен с ума свести весь мир, а если сие не случится, то господь бог хлопнет свою музыкальную шкатулку, притом на неопределенный срок, и даст человечеству понять, что...

— И даст человечеству, — прервал ее дядя, — одну лишь волюнку в руки и так очерствит сердца людей, что они будут поклоняться только языческим богам.

— Упаси нас бог! — засмеялся Моцарт. — Однако мне думается, что в ближайшие шестьдесят—семьдесят лет, когда меня давно уже в живых не будет, объявится не один еще лжепророк.

Евгения подошла к ним вместе с бароном и Максом; незаметно разговор перешел на другие темы и вновь стал серьезным и содержательным, так что прежде чем все разошлись, Моцарт услышал о своей опере еще немало метких суждений и лестных отзывов, преисполнивших его сердце надеждой.

Расстались далеко за полночь; до той поры никто и не почувствовал, как сильно нуждался в отдыхе.

На другой день в десять часов утра (погода ни в чем не уступала вчерашней) во дворе замка стояла красивая дорожная карета, нагруженная вещами наших гостей из Вены; граф подошел к ней вместе с Моцартом незадолго до того как вывели лошадей и спросил, нравится ли тому карета.

— Очень нравится; она кажется весьма удобной.

— Превосходно. В таком случае доставьте мне удовольствие и примите ее от меня на память.

— Не может быть? Вы это серьезно?

— А как же иначе?

— Пресвятые Сикст и Калликст! Констанция, посмотри-ка! — крикнул он жене, которая вместе с другими выглядывала из окна. — Этот экипаж теперь мой. Отныне ты будешь ездить в собственной карете!

Он обнял улыбающегося графа, обошел и осмотрел со всех сторон свою новую собственность, открыл дверцу, бросился на сиденье и крикнул:

— Мне сдается, что я стал столь же знатен и богат, как кавалер Глюк. Вот уж венцы глаза выпучат от удивления!

— Я надеюсь, — сказала графиня, — увидеть ваш экипаж на обратном пути из Праги, увитый гирляндами цветов.

Вскоре после этой веселой сцены карета, вызвавшая всеобщее восхищение, тронулась в путь, и лошади быстрой рысью помчали супружескую чету по направлению к большаку. Граф распорядился довести Моцартов до Виттинггау, где им предстояло взять почтовых лошадей.

* * *

Если чудесные, милые люди некоторое время оживляли наш дом своим присутствием, если они сумели всколыхнуть дыханием своей свежей мысли всю нашу жизнь и дали нам испытать в полной мере радость гостеприимства, то с отъездом их у нас всегда возникает неприятное ощущение пустоты, по крайней мере до конца дня, поскольку мы вновь полностью предоставлены только самим себе.

Надо сказать, что последнее к обитателям нашего замка никоим образом не относилось. Правда, родители Франциски вместе со старухой теткой вскоре тоже уеха-

ли, но сама подруга и жених, не говоря уже о Максе, еще оставались в замке. Казалось бы, Евгения, которой мы уделяем здесь особое внимание, так как эта незабываемая встреча взволновала ее сильнее, чем всех остальных, не должна была ощущать какой бы то ни было пустоты; она ничего не утратила, и у нее не было никакого повода печалиться; безоблачное счастье, которое ей дано было испытать с горячо любимым человеком и только что формально скрепленное, не могло не затмить всех прочих переживаний, иначе говоря, самые благородные и прекрасные чувства, волновавшие ее сердце, неизбежно должны были слиться воедино с переполнявшим все ее существо блаженством.

Так бы оно, пожалуй, и случилось, если бы вчера и сегодня она жила только настоящим моментом, а теперь предавалась ничем не омраченным воспоминаниям. Но еще вечером, во время рассказа жены Моцарта, Евгению охватила смутная тревога за того, чей обаятельный образ пленил ее воображение; это затаенное в глубине души предчувствие не давало ей покоя во все время игры Моцарта, несмотря на неотразимое очарование музыки и тот таинственный ужас, который она навевала; наконец, Евгению поразило и потрясло то, что он сам, говоря о себе, невольно высказал такие же опасения. Ей стало ясно, предельно ясно, что этот человек быстро и неминуемо сгорит в собственном пламени, что он может быть лишь мимолетным обитателем нашей планеты, потому что для Земли поистине слишком могуч был бы поток столь щедро расточаемых им даров.

Эти да и многие другие мысли волновали ее вчера, после того как она улеглась в постель, и в ушах ее долго еще беспорядочно звучали мелодии «Дон-Жуана». Только под утро, утомившись, она наконец уснула.

Все три дамы сидели сейчас со своим рукодельем в саду, мужчины составили им компанию, и поскольку разговор естественно шел только о Моцарте, то Евгения не скрыла своих опасений. Однако никто не пожелал согласиться с ней, хотя барону была вполне понятна ее тревога. Обычно в минуты благополучия, когда пребываешь в свойственном каждому человеку безмятежном, благожелательном настроении, всеми силами отгоняешь от себя любую мысль о несчастье, если оно непосредственно тебя не касается.

Все — а в особенности дядя — стали выдвигать самые убедительные и остроумные контраргументы. Как охотно прислушивалась к ним Евгения! Она уже готова была согласиться, что видит все в слишком мрачном свете.

Несколько минут спустя, проходя через только что убранную большую комнату на втором этаже, где задернутые зеленые штофные гардины создавали мягкий полумрак, она с грустью остановилась у фортепьяно. Когда она подумала о том, кто еще несколько часов тому назад сидел за этим инструментом, все случившееся показалось ей сном. Долго смотрела она в задумчивости на клавиши, которых еще недавно он касался, затем тихо опустила крышку и вынула ключ, в ревнивом стремлении не так-то скоро позволить кому-нибудь другому открыть ее. Уходя, она поставила на место несколько потных тетрадей; при этом из них выпал истрепанный листок с переписанной от руки чешской народной песенкой, которую раньше нередко пела Франциска да и она сама. Евгения подняла листок, и у нее защемило сердце. В том настроении, в коем она пребывала, любую случайность легко принимаешь за прорицание. Но, какое бы этому ни да-

вать толкование, содержание песни было таково, что, когда она перечитала бесхитростные строки, из глаз ее полились горячие слезы.

Малютка ель растет
В лесу зеленом.
И розы где-то пышно
Расцветают.
Подумай, милый друг,
Когда умрешь ты,
Их на твою могилу
Пересадят.

Два вороных коня
В лугах пасутся.
Веселые, они
Прискачут в город.
А гроб твой повезут
Печальным шагом;
Быть может, даже прежде,
Чем с копыт их
Слетят подковы,
Что сейчас блеснули.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Е. Брандис. Эдуард Мёрике и его новелла «Моцарт на пути в Прагу»</i>	3
<i>Моцарт на пути в Прагу. Перевод Т. Ступниковой</i>	13

Эдуард Мёрике
МОЦАРТ НА ПУТИ В ПРАГУ

Редактор *И. Березенцева*
Художественный редактор
Л. Калитовская
Технический редактор *Л. Фейлер*
Корректоры *Г. Сурис и А. Ухина*

Сдано в набор 9/1 1965 г. Подписано
в печать 18/III 1965 г. Бумага
70×108¹/₃₂. 3 печ. л. 4,2 усл. печ. л.
Уч.-изд. л. 3,79+1 вкл.=3,84 л. Тираж
100 000. Заказ 1049. Цена 12 коп.

Издательство
«Художественная литература»
Москва, Б-66. Ново-Басманная, 19

Ленинградская типография № 2
имени Евгении Соколовой
Главполиграфпрома Государственного
комитета Совета Министров СССР
по печати. Измайловский проспект, 29.

12 коп.

